

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

57

СОДЕРЖАНИЕ

В. Пирожкова. "Яко тает воск от лица огня"	1
В. Солоухин. Поругание	3
Протоиерей Д. Константинов. Краткая беседа о смысле жизни	8
В. Пирожкова. Потерянное поколение	10
В. Я. Миклашевский. Последняя служба А. Н. Радищева и его смерть в советском литературоведении	15
В. Рудинский. Обзор зарубежной печати	20
И. Огурцов. Просвещенный патриотизм	27
Д. Штурман. Империя плана	35
Беседа со Сталинистом Ивановым (информация)	45
Фонд помощи верующим в России	47

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

№ 57

Июнь 1990

Мюнхен

В. ПИРОЖКОВА

“ЯКО ТАЕТ ВОСК ОТ ЛИЦА ОГНЯ”

Как они гордо начинали. С какими претензиями и с какой ненавистью к Богу. Напрасно стараются симпатизанты смазать принципиальную ненависть к Богу и ко всему Высшему, которой были одержимы основоположники, указывая на исторические недостатки, даже грехи Церкви и различных вероисповеданий, которые якобы вызывали раздражение основателей этой системы. Нет, дело совсем не в этом. Либеральный и мягкий Генрих Маркс угадал рано в своем сыне-студенте демона. Он признавался сыну, что им владеет страх, он боится, что умственная деятельность сына Карла не смягчается и не облагораживается хорошими человеческими чувствами. Отец боялся, что сыном владеет демон, и спрашивал в своем письме к сыну открыто: это небесный или фаустовский демон? Но если демон был небесным, то, так сказать, с обратной стороны неба, т.е. сатанинский. Сын пришел от этого письма в ярость и порвал с отцом, примирившись с ним только перед самой смертью отца.

Нет, не погрешности христиан в ходе длинной истории, не сочувствие к рабочему классу, находившемуся тогда, действительно, в тяжелом положении, особенно в Англии, не положительные чувства, хотя бы в извращенном направлении, — Марксом владело старое искушение, стоящее в истоках истории: вы будете как боги. Мы будем как боги, мы построим мир, лучший, чем его создал Бог. Бог ошибся, промахнулся. Он создал, ах, столь несовершенный мир, но мы... мы сделаем все иначе.

“Никто не даст нам избавленья,
Ни Бог, ни царь и ни герой.
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой”.

Мы все разрушим до основания, а потом построим все заново и совершенно. Мы совершеннее, умнее Бога — великая дьявольская гордыня владела основоположниками. Какой великой гордыней надо было быть одержимым, чтобы возвещать конец истории, если она пойдет по “законам”, “открытым” этим основоположником, провозвещать сделанный собственными руками Апокалипсис

— нет, не в смысле великих бед и страданий, а в смысле “новой земли” или хотя бы нового, еще никогда не бывалого общества. А обернулось-то ведь первой частью Апокалипсиса, карой и муками вплоть даже до Чернобыля — “имя сей звезде полынь; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горькими”. (Откровение св. Иоанна, 8, 11).

Михаил Бакунин требовал поклонения сатане, считая его истинным прообразом революционера: сатана знал, что Бог есть, и все же против Него боролся. “Страсть к разрушению — это тоже творческая страсть”, — писал он в своей немецкой статье “Реакция в Германии”. Разрушить, все разрушить, все, выросшее органически, хотя полное недостатков, но и полное смысла. Разрушить надо было Божий мир, хотя и испорченный грехопадением, но все еще достаточно отмеченный Божиим смыслом первозданного творения. А на месте тотально разрушенного “мы наш, мы новый мир построим”, как будто они могли что-либо построить.

А как ненавидел Ленин Бога и веру в Него! Исступленно, с пеною у рта он нападал в своих писаниях, полных ругательств, совсем не только на Церковь или священников, среди которых, конечно, было достаточно несовершенных людей, но именно на почитание Господа, на веру в Бога, на Самого Бога.

Нет сомнения, что среди последователей и присоединившихся было немало сбитых с толку идеалистов, мечтавших о прекрасном будущем для народа. Но основоположники действовали не во имя светлого будущего, сколько бы они о нем ни говорили, а во имя своей великой сатанинской гордыни. Они хотели не только без Бога, но против Него построить свой совершенный мир.

Они построили ад с концлагерями, тюрьмами, доносом, слежкой, они сделали из своих граждан рабов, но, казалось, вооруженные до зубов, они держались крепко. Но настал час, и наваждение стало таять на глазах. Удивительно, как мало оказывали они сопротивления в большинстве восточноевропейских стран. Правда, некоторые наблю-

датели думают, что они еще не сдались. Немецкий коммунист Грегор Гизи на секретном совещании, сообщает газета "Бильд" от 4 мая, — заявил, что биржи труда, предприятия и даже банки еще в значительной степени находятся в руках их функционеров и они могут манипулировать, подрывать вводимое теперь рыночное хозяйство и в своей пропаганде замалчивать страшное прошлое и его последствия. Он даже предсказывал гражданскую войну на всей территории Германии все с той же конечной целью: диктатура пролетариата. Но даже, если б Гизи и его приспешникам удалось развязать гражданскую войну, — что весьма сомнительно, — главное другое.

Из-под глыб насильственного антиеизма повсюду вышел на свет Божий тот же человек, и нередко верующий человек. Десятилетия пропаганды, индоктринирования, непредставимого террора не смогли убить человека. Так много в восточноевропейских странах и, к нашей великой радости, в России людей, с которыми сразу же возникает общий язык. Мы всегда знали, что за Железным Занавесом гораздо больше понимающих, что представляет собой коммунизм, социализм, марксизм-ленинизм, чем нам старались внушить иностранные "специалисты". Но сейчас даже эти слепые начинают с удивлением замечать, что в широких кругах интеллигенции и народных масс нет у коммунистов последователей.

В Чехословакии коммунисты были одними из самых жестоких и чрезвычайно преследовали религию, а особенно католическую Церковь. Престарелый, но до конца твердый, кардинал Томашек стоял, казалось, на потерянном посту. И вот новый президент, борец против коммунизма, Вацлав Гавел принимает с распростертыми объятиями папу Иоанна Павла II и восклицает: "Чудо, чудо!" И вместе с ним восклицает народ, католики и не католики, т. к. и для последних этот визит — символ нового воскресающего духа. В Москве, на Красной площади, 1-го мая прошла демонстрация с лозунгами: "Марксизм-ленинизм на свалку истории", "Неизбранный народом президент — диктатор!". "Свободу Литве!" — и многими другими подобными. Демонстранты несли русские трехцветные национальные знамена, литовские национальные флаги и пронесли большое Распятие. Горбачев и весь его клан преждевременно покинули трибуну. И это было капитуляция. Если б у Горбачева были еще убеждения, если б он сам еще верил в "ленинские нормы", которыми он спекулирует в своей пропаганде, он остался бы на трибуне, несмотря на свистки и крики протеста. Мы выстаивали перед клокочущей левой швалью и нередко умиряли ее. У нас было, что

защищать. Я сейчас имею в виду конец 60-х гг. в Германии, когда левая молодежь устраивала в университетских залах или во время докладов и выступлений неугодных им докладчиков настоящий террор. Но Горбачев ушел. Пусть советское телевидение отключило передачу, когда на Красную площадь вышла свободная демонстрация, в стране узнают, что произошло. Уходивший без боя с поля сражения аргументами Горбачев символизировал провал последнего идола, которого он еще хотел сохранить: Ленина. И даже западные публицисты, наконец, догадались. "Только на Западе блеск еще не сошел с Горбачева, его собственный народ его не любит", — сказал немецкий корреспондент.

Ставшая в значительной степени свободной пресса у нас на родине пишет во многом то, что писали мы в изгнании десятилетиями. Конечно, есть и другие, есть еще коммунисты, есть защитники централизованного планового хозяйства, есть ленинцы, проскальзывают тенденции национал-большевизма. Без этого быть не может. Свобода мнений предполагает наличие разных воззрений, в том числе ложных и опасных. Но сколько тех, которые видят и знают, которых не слепит никакой культ, — может быть, они не все еще могут прямо высказать, — и сколько верующих. И среди религиозных поисков есть искажения, радикализм, заблуждения, но как естественно, как вдруг само собой разумеющимся стало говорить общим языком с людьми, с которыми даже еще никогда не пришлось встретиться. Как пишет поэт из СССР Юрий Линник эмигрантскому поэту В. Перелешину:

Но с вами мы совсем не антиподы!

Превыше всяких тез и антитез,

Мы сыновья расстрелянной свободы,

Чей дух в России все-таки воскрес!

Мы не делаем себе иллюзий. На границах освобождающихся восточноевропейских стран уже стоят разные оккультные секты, чтобы использовать духовный голод людей, которые так долго были подавлены бездуховным теоретическим материализмом. Много других соблазнов обрушится на освобождающихся от ига людей.

Да и сам коммунизм еще силен. В центре его материальная власть еще не поколеблена. Он еще может душить блокадой рвущуюся на волю из-под коммунистического ига Литву. В Литве не хватает лекарств и одноразовых шприцев, а Запад к своему стыду и позору делает вид, что он ничего не видит и не замечает. Разве он не мог бы послать гуманитарную помощь, лекарства, шприцы, продукты питания? Но нет, пресмыкание перед Горбачевым важнее живых людей. Это называется "стабилизацией положения". Нет, в этих и других вопросах свое слово должен

сказать духовно расправляющийся русский народ. Потому и хорошо, что демонстрация на Красной площади несла и транспаранты с лозунгами: "Свободу Литве". От русского народа зависит теперь очень многое, и далеко не только в отношении Литвы или Латвии. Не удастся русскому народу полностью распрямиться, и кто знает, коммунисты снова смогут взять верх, и не только в самом Советском Союзе. Даже вся Европа, где еще

достаточно есть своих коммунистов и симпатизантов, пока помалкивающих, может еще быть **ввергнута** в тяжелую заваруху, как раз тогда, когда она будет наверху блаженства в уверенности вечного мира и благополучия.

Но дух в России воскресает, и на это будем уповать:

"Яко тает воск от лица огня,

Да погибнут грешници от Лица Божия".

Владимир СОЛОУХИН

ПОРУГАНИЕ¹

Речь, произнесенная в нью-йоркском обществе "Отрада"

Никто из советских священников или иерархов не думает, что Зарубежная Церковь служит кому-нибудь еще кроме Бога. А Зарубежная Церковь имеет некоторое основание подозревать, что некоторые священники и иерархи в Советском Союзе служат кому-нибудь еще кроме Бога.

Тем не менее сейчас у нас происходят вещи на грани чуда. Вот, например, вечер в большом спортивном комплексе "Крылья Советов". Семь тысяч человек народу. Я предложил почтить вставанием память зверски убиенной Царской Семьи. И все семь тысяч человек встали. Мы молчали минуту, и потом никто никого не забрал, все разошлись мирно по домам. А раньше... Когда я в 1984 году посетил в Вермонте Александра Исаевича, то никому об этом не говорил, только самым лучшим друзьям. Тогда приходилось действовать тайком, по всем правилам детективного жанра.

Теперь патриархии отдали Данилов монастырь, а потом Киево-Печерскую лавру. Сейчас у нас новое явление: отдают храм прямо прихожанам. Вот недавно передали прихожанам в Москве церковь св. Владимира, в нижнем этаже, а на верхнем Бориса и Глеба. Выбросили оттуда там хранившиеся никому не нужные архивы. Церковь прекрасна, хотя и в ободранном виде; икон нету. Прихожане сами повесили занавесочки, обозначили алтарь, старушки принесли иконки. В ней идет служба уже теперь, но ее будут дальше реставрировать, стекла вставлять, рамы делать, постепенно, шаг за шагом, рублик за рубликом. И это реальная помощь.

А вот развелось огромное количество фондов, собирающих деньги, которые реально употребить будет невозможно. Я недавно участвовал в Твери, в Калининне значит, в митинге, посвященном спасению и возрождению Волги. Однако сколько бы мы ни собирали там денег, судьба Волги уже решена: река превращена в целый ряд водохранилищ, которые называют *водохранилищами*. Волги

как таковой нет, есть целые цепи огромных луж. Река погублена, и сколько бы мы ни собирали денег, ничего из этого не выйдет. Волгу погубило государство, и спасти ее, если оно возьмется, захочет, может только государство.

Недавно меня по почину композитора Свиридова, Георгия Васильевича, избрали президентом комиссии возрождения храма Христа Спасителя. Случилось это так. Арендовали кинотеатр "Россия" (построенный на месте Страстного монастыря на площади Пушкина), собралось 2000 человек, настроенных соответствующим образом, Свиридов сказал, что мол надо избрать меня президентом, тут все подняли руки.

ДЕЦИМАЦИЯ

Бывает, читаешь, что в какой-нибудь стране произошел акт вандализма, там в Польше, Чехословакии, Австрии произошло поругание над памятником советским воинам или "фашистские молодчики осквернили на кладбище еврейскую могилу". Вандализм, акт вандализма. Однако когда разрушили в 1931 году памятник великой Отечественной войне с Наполеоном, никогда и нигде, ни по радио, ни в газетах это не было названо вандализмом.

Велика была Отечественная война, велика была победа над Наполеоном, и грандиозен был памятник. Когда думаешь о том, какое слово найти применительно к разрушению храма Христа Спасителя, приходят разные слова в голову: уголовное преступление, волонтеризм, хулиганство и все, что угодно. Но я останавливаюсь на слове **поругание**. Это было трижды поругание: поругание красоты, поругание веры и поругание памяти народной. И еще: это было поругание чести, чести русского народа. Вытекает вопрос: почему же народ допустил, чтобы его так обесчестили? Дело в том, что уничтожение культурных национальных ценностей у нас в

стране началось не с церковей и даже не с дворянских усадеб, не с библиотек старинных, не с икон. Уничтожение национальных ценностей у нас началось с людей. Начали уничтожать тотальным образом людей, российское общество. Русский народ пострадал, украинцы. Вот я недавно узнал цифры так называемого Туркестанского края. Оказывается, Туркестанский край в процессе становления там советской власти потерял 38 процентов своего населения. 38 процентов! Примерно столько же, сколько и мы.

У древних греков и в древних армиях вообще было такое понятие: *децимация*. Для того, чтобы армия и завоеванный народ стали покорными, считалось, что надо уничтожить каждого десятого человека, то есть 10 процентов. Тогда взбунтовавшиеся приходят к покорству. И вот по такой именно линии во время коллективизации, в 1929 году, 10 процентов крестьян было уничтожено, выброшено в тундру, а что касается интеллигенции, то она была уничтожена на все 30 процентов, а часть ее успела эмигрировать.

Известно, что Горький одно время надоедал Владимиру Ильичу с интеллигентами: заступался то за одного, то за другого и наконец он раздражил и разозлил вождя всемирного пролетариата, и тот ему написал письмо (оно уже у нас цитируется), в котором — извините, я должен одно слово произнести — он раздраженно Горькому сказал: “Эти интеллигентшишки думают, что они мозг нации, а на самом деле, они не мозг, а г---о”. Это точная цитата, так Владимир Ильич выражался. И вот когда произошла эта, уже не децимация, а больше даже — 30 процентов, а в Туркестане 38 процентов — тогда уже можно было с народом делать все, что угодно: купола сбрасывать, церкви разрушать, храм Христа Спасителя ломать — никто уже за него не заступился, только охали про себя.

“ВЗРЫВАТЬ СО МНОЙ”

Причем, конечно, вандалы искали аргументы. Один из них был, что храм Христа Спасителя имеет незначительную художественную ценность. Известно, что Сталин даже позвонил Грабарю — известнейшему, крупнейшему искусствоведу — и спросил: “Как вы думаете, какую архитектурную ценность имеет храм Христа Спасителя?” И тут Грабарь сплеховал. Он не поступил, как архитектор Барановский, который сказал: “Если взрывать храм Василия Блаженного, то только со мной”. И залез на колокольню и не слезал оттуда сколько суток. И храм не взорвали. Правда, Барановского сняли и отправили потом в лагерь. Но храм уцелел, храм живет. Если бы Грабарь четко сказал: “Взры-

вать храм Христа Спасителя только со мной”, то еще не известно, какая бы была непредсказуемая реакция Сталина. А он начал мямлить, что вроде “Ну, конечно, с точки зрения эклектики и т. д.” Сталин буркнул “спасибо” и повесил трубку.

Между тем, как вы знаете, храм Христа Спасителя был прекраснейшим, красивым зданием. В цоколе этого здания были перечислены имена всех погибших офицеров — и это был еще один аргумент “Науки и религии” в пользу взрывщиков: “Да, там перечислены имена всех офицеров, но потом написали просто, что в Бородинском сражении погибло 45 тысяч нижних чинов, и ни одного солдата не называли, значит это был памятник самодержавию и Церкви, а не народный памятник”. Они забыли о том, что сама война-то была народная и отечественная. Да я и не видал что-то до сих пор, чтоб после этой последней войны где-то перечислили бы все имена погибших. В храме Христа Спасителя хотя бы цифра была названа: 45 000. Нам же сказали, что 20 миллионов, а на самом деле, конечно, в два раза больше².

Я уже не говорю о так называемых “изменниках”. Я удивляюсь. Представьте себе, воевал Суворов с турками, Измаил брал: ни одного изменника родины на было, никто к туркам не перебежал. Воевали с Наполеоном: не было изменников — ни одного. Скобелев воевал, Александр Второй Болгарию освобождал: ни одного изменника. С японцами воевали, с немцами в 14-м году. Ну, пленные всегда во время войны бывают, ничего не поделаешь, но не было ни одного “изменника”. И вдруг, в последнюю войну, 5 миллионов изменников родины. Откуда, почему? Пусть хоть кто-нибудь задумается над этим простым вопросом.

А сейчас пошли разговоры о необратимости, мол, бредовая это идея восстановить храм Христа Спасителя, немыслимая, невозможная. И это внушается уже широким массам. А на самом деле в этом ничего бредового нет. Вот в Варшаве был до основания разрушен королевский замок и место это заасфальтировано. Варшавяне же, поляки решили восстановить королевский замок. Ну там сбор средств, поставили пластиковый огромный ящик на площади. Туда кидали все: доллары, фунты стерлингов, кроны, монгольские монеты. Наполнялся ящик — ставили его снова и снова, и вот они от нуля построили королевский замок. От нуля также построили средневековую часть города. От нуля построили весь центр Варшавы, а там же все было разрушено, не было ни одного целого здания. Почему же “необратимый процесс”? Оказывается, можно.

Вот я смотрю: здание МГУ на Ленинских горах: огромное, оно более грандиозное, чем

храм Христа Спасителя, а все же хватило у государства средств построить его. Вот здание Совмина РСФСР — красивое, белокаменное, масштабом тот же самый храм Христа Спасителя. Здание МИДа, все высотные дома, огромная гостиница "Космос". Государству построить одну церковь совсем не трудно. А все усилия нашего общества, председателем которого меня избрали, окажутся совершенно тщетными, сколько бы мы денег ни насобирали, если государство само не возьмется и не скажет: да, будем восстанавливать храм Христа Спасителя. Субботниками, самодеятельностью здесь не ограничиться. Надо откачивать воду этого бассейна, надо фундамент, бетоном заливать тот котлован и т. д. Без государства здесь не обойтись. Но пойдет ли государство навстречу, я сомневаюсь, потому что недавно был вечер в Колонном зале, и Василий Перов, член Верховного совета, народный депутат, во всеуслышание объявил: "Я лично разговаривал с Горбачевым о том, чтобы открыть для богослужений Успенский собор, и Горбачев мне отказал под предлогом того, что Кремль в глазах и сердцах всех трудящихся мира является символом коммунистического Советского Союза". Так что я сомневаюсь.

Многие — и даже московская патриархия — говорят так: "Ну, что вы, такие средства вкладывать в храм Христа Спасителя, лучше на эти деньги построить 200 церквей в разных концах нашей страны". Это неверно. Храм Христа Спасителя был символом нашего поругания, пусть он будет символом нашего возрождения!!

ПРОИСХОДИТ ДВИЖЕНИЕ

Впрочем в Церкви движение большое происходит. Вот у меня есть знакомый священник в Тверской губернии, на Волге, 14-го века церковь. Ему приходится каждую службу по 50 человек крестить — и взрослых и детей. А вот другой случай: на большой дороге Москва—Ленинград стоит село Красное, деревни вообще сейчас уже нет. Не только рассказали. Россию в 19-м году, но и раскрестыняли постепенно. Крестьянства как такового сейчас нету в России. Село когда-то называлось Архангельское, потому что церковь во имя Михаила Архангела, но надо было все переименовать, теперь, значит, Красное. Вот священник служит, вокруг ни жилья, ни былья, а церковь не закрыта, он служит. Они с матушкой вдвоем, а прихожан нету. Иногда, может быть, кто-нибудь придет, два-три человека. А они несут свой пост духовный.

И еще такие вещи случаются. Есть в одном селе церковь, закрытая во времена Хрущева. Село 12-й век существует, древней-

шее село. Что там внутри — трудно себе представить. Недавно приезжала бригада американского телевидения, они сняли — в ужас пришли: развал, мерзость запустения вокруг этой церкви и в ней самой. Все заросло бурьяном, а был приход на 14 деревень. Бывает, что одна церковь действует в радиусе 40 километров в Центральной России.

Так что сейчас все очень сложно, но движение действительно удивительное. Ну кто бы мог подумать, что возникает движение за христианское предание земле останков Царской Семьи в соборе царском, движение легальное. Но, к сожалению, у нас так государство создавалось на протяжении десятилетий, что что-нибудь практически реальное, толковое можно сделать только в рамках государства.

И Волгу мы сами не спасем. Вот Цимлянское море: затопили донские виноградники (лозы привезли из Франции), знаменитое цимлянское вино было. Никита Сергеевич приказал виноградники перенести. Ну перенесли, затопили. Это море, или так называемая лужа, каждый год протухает, вода зеленая, как краска, которой крыши красить. Плыть на пароходе невозможно, потому что вонь, вониче. Испортили огромное количество прекрасных земель донских, плодородных, виноградники испортили. Допустим, сейчас еще возникнет общество по возрождению Дона. Пусть нас соберется хоть 100 тысяч человек. Можем ли мы что-нибудь сделать с Цимлянским морем, разрушить все плотины и вернуть Дону его первоначальный облик, первоначальное значение? Увы, увy, увy. Это можно сделать только в рамках государственности. Поэтому огромная задача для всех нас — и писателю в особенности — всячески убеждать толстокожих, пробивать эту толстую кожу, всячески убеждать именно государство, чтоб оно взялось за возрождение России. Уже масштабы всего загубленного таковы, что никакими благотворительными группами, обществами и фондами уже не поможешь.

УХОДИТ ИЗ-ПОД КОНТРОЛЯ

Хочу поделиться еще одним наблюдением. Я помню, в молодости все было под контролем у государства. Пишущие машинки в выходной день все сносились в одну комнату, закрывались и вешалась пломба, чтоб не дай Бог кто-нибудь в воскресенье не пробрался и не напечатал листовку ли, не знаю, что там можно было напечатать. По-моему, эта практика машинки прятать и до сих пор сохранилась.

Звук был под контролем, радио под контролем, патефонные пластинки, которые выпускало государство, были строго под

контролем, песни исполнялись по радио по строгому отбору — два-три десятка песен и все, другого ничего не услышишь. В концертах — строгая цензура, что можно певцу петь, а что не петь. Но появилась кассета, маленький предмет на 12 минут звучания — и звук ушел из-под контроля государства. Тут и Высоцкий бы не появился — это только кассеты наделали.

Теперь уходит и изображение из-под контроля государства. Ставится 20 фильмов в год. Но ушло изображение в виде видеокассеты и видеосистемы — его больше контролировать нельзя. Сейчас уходит и печатное слово, ксероксы начали появляться. Они очень строго контролируются; надо особое разрешение, чтоб мне на кассете какую-нибудь страничку оттиснуть. Не так, как у вас здесь. Но и ксероксы уже уходят. Ушла и устная речь. Эти большие вечера в спортивных комплексах вроде "Крылья Советов" уже проходят по лучшим западным образцам, на них, например, вывешивают лозунги, как "Храму Христа Спасителя быть", и т. д. В Москве положение меняется.

Немного хочу остановиться на одной моей статье и полемике вокруг нее: почему я не подписался под письмом о "Мемориале". Общество "Мемориал" образовалось для увековечения жертв, как они вначале называли, "необоснованных репрессий". Потом это ушло и стало "сталинских репрессий", а потом "репрессий 37-го года". Они меня просили подписать, наряду с другими писателями и деятелями, письмо наверх, в правительство. Я задал инициаторам этой группы один вопрос. "Если ответите на него мне, я письмо подпишу". Я спросил у них: "С какого года надо репрессии считать необоснованными и незаконными, а до какого года можно их считать обоснованными и законными?" Они мне на этот вопрос ответить не смогли, и поэтому я письма не подписал.

ПАМЯТНИК УБИЙЦАМ

Ну, скажем, в 38-м году Сталин расстрелял 3000 работников НКВД. Это те люди, которые готовили московские процессы Бухарина, Зиновьева, Рыкова, Тухачевского и т. д. Три тысячи человек, видимо, следователей, которые помогали в признании и т. д. Вот это сталинские репрессии, 1938 год. Значит, мы должны им тоже мемориал воздвигать? Живые люди, тоже жалко, я ничего не говорю. Убийство есть убийство. Смерть есть смерть. Но в общем-то они сами убивали, сами способствовали убийствам, и не тысяч, а десятков тысяч людей.

У нас там водораздел такой: "Огонек" это одно дело, а, скажем, "Наш современник" другое и как будто какой-то антагонизм. У

меня его нет. Я сам 7 или 8 лет проработал в "Огоньке", и уже во времена его редактора Коротича я опубликовал несколько очень важных для меня статей: к юбилею Валентина Распутина, Александра Яшина, потом о спасении Нестеровской живописи. Она гибнет, и никто ее не хочет спасать, а если сейчас не спасти уникальную живопись Нестерова, этого великого русского художника, то ее уже никогда не спасти. Какие-нибудь страница-две закорючек карандашом Пикассо идут за бешеные деньги, а сотни квадратных метров росписи Нестерова гибнут нипочем.

Однако статью о храме Христа Спасителя, которую Коротич сам мне заказал, они не напечатали. Более того, просто ее потеряли, может, в корзинку бросили. И мне пришлось ее опубликовать в новом органе, отличающемся остротой и глубиной, — в "Литературной России". Она становится очень интересной газетой.

Повторю: у меня к Коротичу нет ни антагонизма, ни антипатии. Я просто никак не могу понять, почему они всеми силами стараются обелить и превратить чуть не в ангелов отъявленных уголовников 20-х годов. Вот, например, такой случай, у нас люди мало его знают. В гражданскую войну красные брали царских генералов в качестве военспецов заложниками. Может быть, некоторые из них искренне смыкались с большевиками, не знаю, но большинство были заложниками. Брали их семью и говорили: если не будешь воевать с белыми, все твои дети и внуки будут уничтожены. И на самом деле уничтожали. А когда выиграла войну гражданскую, победили Белую Гвардию, то решили всех этих военспецов уничтожить. И вот Федор Раскольников и Лариса Рейснер помогли арестовать большую группу адмиралов. В голодающей Москве они пригласили адмиралов на завтрак, и в то время, как очаровательная хозяйка всех угощала, Чека накрыла и без единого выстрела захватила всех адмиралов. Уголовники, уголовщина!

ОПРАВДАНИЕ УГЛОВЩИНЫ

Бухарин объявил, что массовые расстрелы есть способ превращения капиталистического человеческого материала в коммунистический. И этого Бухарина "Огонек" пытается обелить, даже предоставляет страницы его вдове. Все хорошо, но зачем делать из него ангела? Зиновьев сказал: "Мы прольем реки крови в России, и не найдется такой силы на Земле, которая могла бы нас остановить". Это он же, Зиновьев, приказал регистрироваться всем господам офицерам в Петрограде на предмет получения хлебных карточек. Они все пошли регистрироваться, и всех их

за одну ночь арестовали и расстреляли. Уголовщина! И теперь Зиновьева пытаются обелить.

Уголовники организовали и крымские расстрелы. Когда уходила Врангелевская армия, часть белых не ушла, по некоторым сведениям, 30000, по другим — 70000 человек. Их перестреляли всех за каких-то семь дней, топили в море, привязывая камень к ногам. Это сделали венгерский революционер Бела Кун и наш революционер Землячко.

Ну, хорошо. Один из уголовников оказался более стойким, победил всех других уголовников, сосредоточил в своих руках огромную власть, но те, кого он уничтожил, не перестали же быть уголовниками! Поэтому здесь у нас проходит водораздел. Почему Коротич и его присные боятся, чтобы гласность не прорвалась в 20-е годы? Почему хотят все внимание народных масс путем средств массовой информации сосредоточить на 37-м годе? Вот мол, в 37-м все было ужасно, надо мемориалы строить, все это считать преступлением Сталина. А то, что было в 18-м или 19-м году, когда было уничтожено, по скромным, робким подсчетам, около 14—15 миллионов россиян? Я думаю, в 37-м году не могло быть столько уничтожено, потому что Сталин просто снимал верхушку власти, а много ли там их было? Вот сейчас, например, у нас номенклатура в стране — 300000 человек. Если кто-нибудь захотел бы снять эту управляющую верхушку власти, то пострадало бы 300000 номенклатурных работников. Много. Страшно. Но не 15 миллионов!³

Появляется и такое словечко "антисемитизм". Антисемитом в нашей стране прослыть очень просто. Вот я рассказываю людям на вечеру о Ярославском восстании, или мятеже (у нас так: если против большевиков — мятеж, бандиты; если за — восстание или партизаны). Так вот, Ярославское гражданское восстание было подавлено столь страшной силой — даже в Кремле содрогнулись люди, когда узнали, как жестоко оно было подавлено. Ярославль был потоплен в крови, и даже подавителям этого восстания хотели вынести порицание за излишнюю жестокость (правда, заступничество Свердлова спасло от этого порицания).

Вот я это рассказываю — пока все хорошо. Можно, конечно, обвинить в антибольшевистских, антиреволюционных мотивах, можно что угодно приписать, но пока я

(Напечатано по магнитофонной записи)

еще не антисемит. Как только я назвал имя того, кто подавлял восстание — антисемитизм! А подавлял его товарищ Гаронский. Ему было поручено, он и подавлял.

Расскажу еще: В. Татарин — писатель, наполовину еврей. Хороший писатель, уважаемый мною, у нас хорошие отношения были. Он написал замечательную повесть: "Уже написан вектор" о зверствах одесской Чeka. Разговариваю с одной дамой, культурной, образованной, работницей одного издательства. Коснулись этой книги. Она: "Владимир Алексеевич, ведь это антисемитская книга!" Я говорю: "Почему?" Ответ: "Так он всем работникам одесской Чeka дал еврейские фамилии". Я говорю: "Хорошо. А если б он всем дал русские фамилии, то что, антирусская книга что ли бы была?" Вы понимаете, как очень остро и болезненно стоит у нас этот вопрос?

Кое-что переименовано в нашей стране. Улица Метростроевская стала снова Остоженкой. Ну потом все, что связано с именем Жданова. Это потому, что очень его не любят за нападки на Ахматову: сила давления средств массовой информации привела к тому, что все связанное со Ждановым переименовано. Улица Жданова называется теперь Рождественка, а город Жданов снова стал называться Мариуполем.

Вообразим такое. Встаем утром. Указ: возвратить все основные исторические названия. И сразу как-то люди немного оживились бы, расшевелились бы. Второй указ: прекратить материально-денежную помощь всяким нашим прихлебателям. Одна Куба нам обходится в 15 миллионов долларов в день! Эфиопы там, Ангола. Прекратить! Самим нужно! Сразу народ бы расшевелился. А пока — Васька слушает, да ест.

Тем временем у нас Распутин уже попал в консерваторы. Белов попал в консерваторы. Это потому, что Коротичу не важно: Байкал спасать, Волгу, Цимлянское водохранилище. Причем я даже замечая, что им истина не очень важна. Главное, это доказать, что они правы. А эти ребята, Распутин, Белов, они болеют действительно за Байкал, действительно за Волгу, действительно за поворот северных рек, потому что если бы повернули северные реки, пришлось бы затопить землю, равную территории Франции. И так уже почти вся Россия залита водой и зарастает бурьяном.

¹ Перепечатывается из "Нашей страны" № 2071. *Ред.*

² Думаем, что на войне погибло меньше. В концлагерях погибло больше. *Прим. ред.*

³ Здесь В. Солоухин ошибается, в 37-38 гг. шли тоже массовые аресты. Но он прав, что они шли все годы. *Прим. ред.*

Протоиерей Д. КОНСТАНТИНОВ

КРАТКАЯ БЕСЕДА О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ

Есть ли в жизни смысл? Есть ли в ней какая-либо цель, лежащая за пределами нашей обыденности? Можно ли вообще ставить вопрос о смысле жизни? Вопросы, которые задаются многими и часто остающиеся без ответа. Пожалуй, наиболее часто и наиболее "легко" на этот вопрос отвечают атеисты или просто безрелигиозные люди. Они усматривают смысл человеческой жизни в каких-то наиболее простых материальных или душевных реальностях, не выходящих за пределы окружающей нас обыденной действительности. Например, смысл жизни усматривается в воспитании молодой смены, воспринявшей лучшие традиции предыдущих поколений. Смысл жизни усматривается в каких-то научных открытиях, достижениях в области техники и т. п. Смысл жизни усматривается в творческой деятельности в области искусства и т. п.

Но немало людей проходит свой жизненный путь, не задумываясь, для чего они рождаются, живут и умирают. Люди эти бездумно и как бы автоматически проходят свой жизненный путь по нашей земле и, не обременяя себя размышлениями о смысле своей жизни, исчезают в глубинах реки времен, безмолвно покоряясь наступлению неизбежного конца. Не будем сейчас оценивать подобный простой, но едва ли осмысленный подход к вопросу о смысле нашей жизни. Отметим лишь, что подавляющее большинство мыслящего человечества едва ли согласится со столь практически-примитивным и духовно-бессмысленным решением поставленной нами проблемы.

И снова возникают вопросы... Для чего мы живем? Зачем вообще нам надо жить? В чем смысл нашего существования? Что ждет нас после смерти? Таких вопросов множество, и их можно в разных вариантах задавать без конца. Вопросы эти волнуют нас, как волновали они и предыдущие поколения. И, надо сказать, вопросы совершенно законные, но находящие исчерпывающий и удовлетворяющий нас ответ в свете одной-единственной трактовки данной проблемы, о которой мы и будем говорить дальше.

Мы живем в то время, когда значительной части человечества смысл жизни предложен в виде усиленной борьбы за земное благополучие и особенно за благополучие грядущих поколений. Больше того, центр тяжести проблемы переносится именно на будущее поколения, и предлагается жить во имя их будущего счастья. В результате получается нечто маловразумительное. Мы работаем, несем все тяготы жизни, стремимся все

сделать во имя весьма неопределенного светлого будущего следующих поколений, надеясь, что наши дети будут жить в новых, счастливых условиях. Но мы не успеваем добиться всего намеченного, как дети вырастают, становятся вместе с нами в ряды тех, кто стремится к этой цели, и начинают жить и работать во имя утопического счастья опять-таки новых будущих поколений. Многие из современных отцов и матерей не закончат еще свой жизненный путь, как их внуки тоже начнут уже действовать во имя счастья правнуков, и так без конца... Получается какая-то бесконечная вереница поколений, живущая во имя людей будущего. При этом одно поколение значительно отличается от другого в своих представлениях о "счастье" и смысле своего существования. Не утопична ли эта цель вообще? Ну, а если одно из этих поколений вдруг достигнет, наконец, счастливых условий жизни, то во имя чего оно будет жить? Ответ на этот вопрос мы не получим, ибо его по существу дать нельзя. На земле таких всепоглощающих и всех устраивающих реальных целей нет. Имеются только утопии...

Мы, конечно, должны заботиться о будущем наших детей и внуков, но видеть в этом главную задачу нашей жизни едва ли возможно. Ведь подобная постановка вопроса в значительной степени обесценивает индивидуальную человеческую жизнь и превращает ее лишь в относительную ценность, в своего рода "удобрение" для бытия новых поколений. Элемент абсолютной ценности индивидуальной жизни в данном случае зачеркивается и практически отрицается. Едва ли такое решение проблемы может дать нам удовлетворение. А между тем, подобная постановка вопроса бытует в сознании современных социальных реформаторов, озабоченных счастьем всего человечества...

Можно предположить, что смысл нашей жизни будет заключаться в том, чтобы отдать ее целиком какому-нибудь важному и интересному с нашей точки зрения делу, какой-то специальной, например, деятельности — технике, изобретательству, спорту, науке, искусству, служению людям, воспитанию молодого поколения и многому другому, что невозможно, вообще говоря, перечислить. В этом случае мы как бы посвящаем нашу жизнь и можем видеть ее смысл в служении каким-то ценностям материального или душевного порядка, созданию этих ценностей, т. е. **творчеству**. Такая постановка вопроса, по всей видимости, как-то приближает нас к

удовлетворительному ответу, но не дает еще его окончательного решения. Приближение к ответу еще не является ответом и не дает его окончательного варианта. Но принявший подобное решение даже в приближенном и далеко не окончательном варианте сможет, однако, сказать, что он в общем провел осмысленную, во многом интересную и целесообразно построенную жизнь, но не больше этого. И едва ли он в данном случае найдет во всем этом удовлетворяющее его понимание проблемы смысла жизни.

Но обратим внимание на одно весьма важное обстоятельство. Творчеством занимается большинство людей. Творчеством, например, занимается и столяр, делающий мебель оригинальной модели. Творчеством занимается изобретатель, создающий новое дополнительное устройство к какой-то машине. Творит и спортсмен, ставящий какой-то новый спортивный рекорд. Творит ученый, открывающий новые закономерности в его области знания. Творит, конечно, писатель, художник, композитор и т. д. Но легко заметить, что между всеми этими видами творчества имеются существенные различия. Едва ли возможно подходить с одной и той же меркой к оценке стола новой конструкции, нового спортивного рекорда, технического изобретения, научного открытия, гениальной картины, потрясшей нас симфонии. Образно говоря, при оценке их нельзя поставить в один ряд. Тогда возникнет естественный вопрос: какая же между ними разница? Нетрудно заметить, что результаты творчества композитора или художника мы, в подавляющем большинстве случаев, оценим более высоко, чем спортивный рекорд или новый стол. И это не будет ни в какой степени дискриминационное решение. Сравнивая результаты творчества всех этих людей, мы почувствуем, что есть вершины творчества и есть менее сложные его формы. Встречаются и в наше время во многом примитивные виды творчества. Но все-таки мы прежде всего должны выяснить вопрос: чем же картина лучше стола? Главным образом тем, что стол — область преимущественно материального творчества, величайшее же произведение искусства — это уже одна из вершин сложной духовно-материальной деятельности человека, царство его духа, неповторимый результат его духовного напряжения. Отметим, что при отыскании смысла нашей жизни нас будет привлекать в первую очередь **духовное творчество**, или иначе **служение духовным ценностям**, приводящее к одухотворению всей нашей жизни. И не здесь ли нам надо искать наш идеал жизни?

Поставим прежде всего вопрос: какая область науки занимается вопросом одухотворения человеческой жизни? Такой науки нет!

Данной проблемой частично и условно занимается философия, но в первую очередь **это предмет религии, в частности христианства**. Такова реальность данной темы.

Христианство учит нас, что смысл жизни человека заключается в его одухотворении, в максимально возможном приближении к тем духовным идеалам, которые даны нам в Евангелии, причем это приближение может совершаться почти всегда независимо от рода деятельности человека (речь идет в данном случае о нормальной человеческой деятельности). На каждом месте, на каждом отрезке своего жизненного пути человек может творчески служить положительным духовным ценностям, уходящим своими вершинами к Первопричине всего существующего, к Вечному Добру, к Духовному Источнику нашей жизни — к Богу. Служение Вечному может прежде всего совершаться как непосредственное служение Богу через чисто религиозную деятельность. Оно может совершаться и через служение хотя и временным, но нередко подлинно духовным ценностям положительного характера, которые мы встречаем здесь на земле, как, например, наука, литература, искусство, музыка, служение людям, техника и многое другое. Но это служение должно быть всегда освещено, осмыслено и одухотворено тем, что сказано нам в Евангелии о нашей духовной жизни, т. е. уходить корнями в горный мир. Вместе с этим надо всегда помнить, что человеческая культура содержит в себе огромное количество элементов подлинно духовной настроенности, но одновременно она содержит в себе немало и антидуховного. Поэтому, когда мы говорим о духовной жизни в собственном смысле этого термина, мы говорим о жизни религиозной и о всем, что так или иначе непосредственно соприкасается с нею, творя Божие дело на земле.

Для христианства каждая человеческая душа, каждая человеческая жизнь является **индивидуальной и неповторимой ценностью**, и оно решительно отказывается рассматривать человеческую жизнь как удобрение для грядущих поколений или видеть смысл ее в том, что благодарные поколения сохранят о ней кратковременную память. На большее рассчитывать не приходится, особенно в наше время.

Для христианства наша земная временная жизнь это лишь **школа нашего одухотворения**, или иначе путь спасения нашей души. А спасение души вовсе нельзя рассматривать только как индивидуальную "эгоистическую" задачу отдельного человека. Человек, идущий по пути спасения, по мере своего одухотворения, все больше и больше окружает себя атмосферой благожелательства, добра, правды, которые неизбежно оказывают влияние на

окружающую его обстановку. Совокупные усилия многих людей, идущих в том же направлении, многое изменяют на земле, что далеко не всегда замечается нами.

Человек, направившийся по указанному пути и прошедший свое земное поприще, не исчезнет. Его дух, освобожденный от тела,

найдет свое упокоение в тех обителях добра и правды, свет от которых достигает и до нашей земли. И в этом заключается единственный и непререкаемый смысл нашей жизни. "Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа" (Иоанн, XVII, 3).

В. ПИРОЖКОВА

ПОТЕРЯННОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Школа. 10-й класс

Продолжение, см. №№ 49, 50, 51, 52, 55, 56

Требую себе хорошего преподавателя математики, мы невольно разыграли вариацию на тему басни Крылова о лягушках, просивших себе царя. Выученик моего отца, способный и знающий, но весьма строгий, Михаил Александрович провалил на переходных экзаменах ровно половину класса. В 9-м классе у нас было 26 учеников и учениц, по математике провалилось 13 человек. Осенью была переекзаменовка, но ее выдержали только двое. Так нас в 10-м классе оказалось 15 человек, 9 девочек и 6 мальчиков. Зато класс был очень сильным. Чтобы подогреть дух соревнования, директор выдумал быть доску, на которую каждые десять дней записывались классы в порядке занимаемого ими места по отметкам, полученным учениками в течение этих десяти дней. Директор обещал, что если какой-нибудь класс три раза подряд выйдет на первое место, то всем ученикам будут куплены билеты в театр (как раз гостил какой-то Ленинградский театр). Директор был уверен, что ни один класс не выйдет три раза подряд на первое место, что и показывало, как плохо он знал свою школу. Мы только посмеивались. Конечно, наш класс без труда вышел сразу же три раза подряд на первое место. На билеты в театр денег не набралось, нам купили билеты в кино. Следующие три раза мы с такой же легкостью вышли еще раз на первое место, иными словами, мы были уже шесть раз на первом месте и совсем не собирались его покидать. Нам еще раз купили билеты в кино, но после этого доска исчезла, и о соревновании никто больше не заикался.

Интересно, что шедший за нами 9-й класс был необыкновенно слабым, и Михаил Александрович не раз говорил в нашем классе, что не знает, как ему поступать с 9-м. Иногда нам присылали из центра задачки по математике, которые вскрывались при всех в классе, класс должен был писать работы, листочки собирались и отсылались в центр, откуда потом приходили отметки. В нашем классе не оказалось отметки ниже четверки, даже наши троечники написали на

4, т. к. задания из центра были легкими по сравнению с теми, которые нам давал М. А. В 9-м же классе никто не смог написать хотя бы на тройку. Вопреки правилам директор, сам математик, посмотрел работы и ужаснулся. Опять-таки вопреки правилам ученикам 9-го класса дали ту же работу еще раз, перед этим их еще натаскивали. Только двое написали на тройку, остальные не выше двойки. Так и пришлось послать в центр.

В 10-м классе меня выбрали председателем класса. То, что я не была комсомолкой, ничуть этому не помешало.

В 10-м классе мы должны были изучать историю партии с новым преподавателем. Говорили, что Павел Семенович сам отказался, но не знаю, было ли это возможно. Новый преподаватель был сравнительно молодым партийцем, мало интеллигентным, правдоверным и довольно простодушным. Он искренне верил всему, что ему внушили, и, видимо, не мог себе представить, что из иных его слов можно было сделать совсем не желаемый им вывод. Так, например, он возмущенно восклицал: "Бухарин, эта дрянь, говорил, что у нас не социализм, а государственный капитализм". Я сразу же подумала: "А ведь это верно. Весь капитал находится в руках одного монополиста-государства".

Знаменитый "Краткий курс истории ВКП(б)" вышел в свет весной 1938 г. К выпускному экзамену мы готовились уже по этой книге, но весь год мы еще должны были записывать слова преподавателя, книги у нас не было. В скорописи иногда возникали странные слова и фразы. Так Валя, смеясь, показала мне тетрадку, где стояло, что Ленин сидел в бублике, когда крикнул свою знаменитую фразу о том, что есть такая партия (которая готова взять власть). Но у меня была гораздо более опасная запись. Наш преподаватель говорил: "Партия разъясняла народу, что война ему не нужна". Я же записала: "Партия разъясняла народу, что она ему не нужна". Когда я обнаружила эту запись в своей тетрадке, я подумала, что написала нечаянно совершенную истину, но не показала ее никому и листок уничтожила.

Газета "Искра" была основана в Пскове. Маленький домик, где состоялось первое редакционное собрание, был после революции превращен в музей и носил название 'Домик "Искры"'. Туда повел нас раз наш учитель. В комнате висела большая картина первого заседания "Искры". Наивно наш педагог сказал: "На заседании были, кроме того, Мартов, Аксельрод и Вера Засулич, они были и на картине. Но потом позвали художника и сказали: 'Треба замалювати'". Мы возмутились: это же фальсификация истории! Он совершенно смутился, "замалювание" казалось ему чем-то само собой разумеющимся, а тут подростки бунтуют. "Нет, мы ничего не искажаем, — сказал он, — мы же говорим вам, что они на заседании были. Но зачем вам видеть их лица?". Я потом не раз размышляла об этой **боязни лиц**. Она проявлялась повсюду. Так, нигде нельзя было увидеть портрета Троцкого, и даже во время кратковременной дружбы с нацистской Германией нельзя было увидеть портрета Гитлера. Откровенно говоря, я и сейчас не совсем понимаю, чего они боялись. По моему мнению, никто из них не обладал обаятельным лицом, а у Троцкого и Гитлера лица были даже отталкивающие. Чего же они боялись?

В то время как школьная жизнь шла своим налаженным чередом, 1937 год накрыл нас своим черным крылом тогда, когда он уже начал склоняться к концу. Снова были арестованы отец и старший брат Зины. Ее старший брат был к тому времени женат и имел двух маленьких детей. На этот раз не было благополучного конца, мужчины не вернулись, а семьи должны были покинуть Псков и выслаться на знаменитый 101-й километр. Арестовали и отца Лиды, машиниста на поезде. Тогда в Пскове были арестованы почти все машинисты, некому стало водить поезда, искали среди красноармейцев машинистов по гражданской специальности и сажали на паровозы. Лида, та самая, которая в 8-м классе хотела сделать меня своей исключительной подружкой, была второй дочерью в семье. Ее старшая сестра уже работала, но были еще три маленькие девочки, всего 5 дочерей. Мы всем классом желали Лиде брата, которого она сама хотела, когда ее мать ожидала последнего ребенка. Но родилась пятая девочка. Теперь мать с тремя маленькими девочками должна была ехать неизвестно куда. Зине и Лиде разрешили остаться в Пскове до окончания школы. Обе устроились у родственников. Старшая сестра Лиды поехала с матерью, чтобы помочь ей и младшим сестрам. Мне трудно верить тем, кто рассказывает, что соученики и соученицы отворачивались от тех, у кого были арестованы отцы. От Зины и Лиды никто в нашем

классе не отвернулся. Мы все были подавлены и все им от души сочувствовали. "О, как я их ненавижу!" — вырвалось раз у Зины.

Зину и Лиду выкинули, конечно, из комсомола, о чем ни та, ни другая ничуть не жалели. Недавно мне пришлось видеть глубоко лживый советский фильм времени "перестройки". В этом фильме школьница, у которой арестован отец и которой грозит исключение из комсомола, кончает с собой, чтобы умереть комсомолкой. Это отвратительная ложь, никто из детей арестованных так не ощущал. Вообще, вся атмосфера этого фильма лживая и этим ничуть не отличается от пропагандных фильмов времени Сталина.

Аресты шли в городе повсюду. Если в более ранние годы арестовывали преимущественно русских, то сейчас под удар попали в большом числе граждане нерусского происхождения: балтийские немцы, латыши, эстонцы, поляки, даже вполне обрусевшие. Отец Зины был, как я уже упоминала, латышского происхождения, а отец Лиды — польского, хотя они уже настолько обрусели, что владели только русским языком. Были, однако, такие, которые дома говорили на своем языке. На окраине города находилось католическое кладбище, носившее название польского кладбища, и при нем католическая церковь, к тому времени уже, конечно, закрытая. Лютеран в Пскове было много больше, чем католиков, и лютеранская церковь, построенная в готическом стиле, стояла на главной улице города, в центре. Ее не только закрыли, но и разобрали обе колонки с их устремленными ввысь шпилями на кирпичи. Однако, разобрав колонки, бросили. Так она и стояла, обезображенная, немым укором антиистеической власти. Ясно, что церковный разгром коснулся не только других вероисповеданий: одна православная церковь за другой закрывалась, и за два года до войны была закрыта последняя еще работавшая церковь при кладбище, где лежали мои бабушка и дедушка со стороны матери и маленький брат Георгий. Кладбище находилось недалеко от дома, где мы жили, и я ребенком туда часто бегала одна. Я с детства любила кладбища, их тишину и покой.

В Пскове стоит красивый собор с пятью куполами-луковицами, построенный на возвышенности, детинце, там, где Пскова впадает в Великую, широкую, величественную, медленно текущую реку. Помню, как меня разочаровал Рейн, когда я увидела его первый раз: эта узенькая река и есть знаменитый Рейн? Какое может быть сравнение с Великой? Берега Рейна, конечно, живописнее плоских берегов Великой. На восточном берегу Великой стояла прежде

грозная стена с башнями. В случае нападения с запада город оборонялся с этих стен, снабжаясь водой из Псковы, входившей в черту города. В истоке Псковы в реку опускались железные решетки, чтобы враг не мог вплыть по реке внутрь города. Псков выстоял нападению польского короля Стефана Батория и шведского Густава Адольфа, башни там, где эти короли вели со своими войсками атаки, носили их имена. Около башни Стефана Батория сохранился памятник воинам князя Ивана Петровича Шуйского, защищавшего Псков при Иоанне Грозном и вместе с воинами целовавшего крест умереть, но не сдать города. В мое время стены и башни были уже сильно разрушены временем, и мы детьми по ним лазали. Теперь, судя по фотографиям, они восстановлены.

По преданию св. княгиня Ольга, которая была псковитянкой, поставила на детинце первый крест. Потом там был выстроен сначала деревянный собор, он сгорел, был восстановлен, сгорел еще раз, пока не построили каменный собор, который стоит там и по сей день. Из собора сделали, конечно, антирелигиозный музей. Насколько мне известно, там и сейчас этот музей. Я уже как-то упоминала, что там качался неизбежный маятник Фуко, и меня спросили, какое отношение этот маятник имеет к религии или атеизму. Для разумного человека не имеет никакого, но для советских воинствующих безбожников, необразованных даже на самых верхах, он должен был опровергать существование Бога, показывая, что Земля вращается вокруг своей оси. Эти безбожники все еще думали, что Церковь руководствуется Птолемеевой системой мира, но, конечно, никто уже больше на нее не ориентировался. Но ведь советские пропагандисты постоянно "ездили" на процессах Галилея и Джордано Бруно, хотя последнего сожгли не за научные открытия. Помнится, перед войной ленинградское радио ввело отдел критических писем, которые, вероятно, писались в редакции, кто бы тогда отважился писать даже незлобные критические письма? Но одно из них было остроумно. Оно гласило: "Вы слишком часто сжигаете Джордано Бруно, смотрите, как бы вам самим не прогореть".

Прежде на детинце, кроме большого летнего собора, был отапливаемый зимний собор, небольшой. Там совершались богослужения зимой, в большом было слишком холодно. Этот зимний собор разобрали на кирпичи и построили из них единственный жилой дом за 24 года советской власти, хотя Псков был перенаселен. Особенно во время коллективизации в него нахлынули крестьяне, бежавшие от голода в деревне. Может быть, и башенки лютеранской церкви пошли на

этот дом, а остальные кирпичи не понадобились.

Но вернемся к арестам 1937–1938 гг. Если в былые годы арестовывали больше так называемых "бывших", потом тех, в ком подозревали скрытых противников, хотя среди них были совсем аполитичные, вроде агронома Гуляева или начальника станции Масленникова, о которых я уже писала, т. е. в большинстве случаев русских и, конечно, беспартийных, то в эти годы под волну арестов попали многие партийцы, независимо от их национальности, а из беспартийных, как я уже указывала, большой процент людей не чисто русского происхождения. Так была арестована латышка, врач-хирург, которая делала сложные операции на сердце. У нас были знакомые врачи, и они говорили, что таких операций никто еще не делал и что если б об этом дали сведения в прессу, то была бы мировая сенсация. Все ее коллеги ждали, что ее вызовут в Москву и предоставят ей более широкое поле деятельности. Вместо этого ее арестовали, и она исчезла в одном из бесчисленных концлагерей. Я не знаю, действительно ли ее операции были столь сенсационны, но в Пскове она была, во всяком случае, выдающимся хирургом. Это ее не спасло. То, что среди арестованных было много коммунистов, сделало эти годы особенно известными. К сожалению, вся мировая пресса шла и до сих пор до известной степени еще идет на поводу у коммунистов или бывших коммунистов, а те зачастую считают людьми только своих и шумят лишь о терроре, который был направлен против них. Между тем, массовые аресты шли все время.

Семья Зины уехала в Нижний Новгород, прозванный Горький, семья Лиды уехала в Казань.

Мы продолжали заниматься. Что же было делать? Выпускные экзамены нашего класса прошли блестяще. Приехавший из центра представитель присутствовал на устном экзамене по литературе и пришел в полный восторг: "Это не ученики 10-го класса, это ораторы!" — говорил он. Василий Алексеевич сиял. Мне, помню, достался отвратительный билет, а именно "Облако в шатанах" Маяковского, которого я терпеть не могла. Но и я сумела наговорить достаточно, чтобы поразить представителя из центра. Помнится, как мы в 10-м классе не хотели читать "Дело Артамоновых" Горького, хотя мы этот роман проходили. Как много воды после этого везде утекло! Нам этот в общем невинный, хотя и скучный роман, казался слишком порнографичным. Как-то раз В. А. вызвал Валю и предложил ей рассказать содержание романа. Валя его не читала, но она минут 15 без остановки говорила о

Горьком, об его творчестве и пр. Гринин посмотрел на нее и сказал: "Романа вы не читали, но 5 я вам все же поставлю". Так что при случае мы могли заговорить любого представителя из центра.

На экзамене по немецкому языку присутствовала какая-то учительница из провинции. Она только удивленно открывала глаза, когда слышала, как мы пересказывали прочтенный по-немецки рассказ по-немецки же. Она, вероятно, сама не могла бы этого сделать. Нашим троечникам она бы поставила 5.

На экзамен по истории партии пришли коммунисты из педвуза. Фамилия Вали началась тоже на П, как моя, и мы вместе вышли к переднему столу, за которым сначала сидели, изучая свои билеты. Валя отвечала первой. По билету она все знала, но гости из педвуза начали забрасывать ее вопросами по текущей политике. Всех я не помню, вспоминается мне вопрос: "Как зовут лидера фашистов в Судетской области?" Валя не знала. Я же по текущей политике знала тогда все, что можно было вычитать в "Правде". Я шептала ей: "Гейнлейн". Техника подсказывания у нас была хорошо разработана, и она сказала это имя. Так же и в отношении других аналогичных вопросов. Не заметили они, что у них под носом подсказывали? Или не захотели заметить? Они ничего не сказали, и Валя получила 5. Мне же достался знаменитый съезд и раскол на большевиков и меньшевиков. Конечно, я его знала по "Краткому курсу". Мне не было задано ни одного дополнительного вопроса (может быть, они все же заметили, что я подсказывала?), и мне тоже поставили 5. А Зину завалили. Ее коммунисты из педвуза забросали вопросами по текущей политике, а меня рядом для подсказки не было. Они, конечно, знали, что ее отец и брат арестованы. Зина получила по истории партии 3 и тем самым выпала из отличниц. По всем другим предметам у нее были пятерки. Отличницами кончили Катя, Валя, Инна (дочь священника) и я. Так переместился центр преследований: дети "бывших" могли кончать отличниками и поступать без экзаменов в университет. Инна поступила в Ленинградский университет на химический факультет. А дети свежерепрессированных встречали на своем пути рогатки. Зина хотела, конечно, поступить на математикомеханический факультет в Ленинграде. Она была способным математиком. К конкурсным экзаменам она была допущена. Все три математических предмета, алгебру, геометрию, тригонометрию, она сдала на 5, остальные предметы на 4. Ей механически вывели общую отметку 4,1 не посмотрев, что у нее 5 по предметам того факультета, на который

она хочет поступить. Ей сказали, что ее принимают, но без общежития, а без общежития она в Ленинграде учиться не могла. Зина уехала в Горький, где тоже был университет, но сначала ей пришлось поступить на работу, т. к. старой матери и невестке с двумя маленькими детьми жилось слишком тяжело, и она должна была их поддерживать.

Лида уехала в Казань и поступила в университет сначала там. Потом ей как-то удалось перебраться в Ленинград.

Я много думала о том, что мне изучать. Хотя я интересовалась математикой и астрономией, я не была уверена, что это мой путь. Мой отец сделал немало для того, чтобы развить во мне интерес к своим предметам. У него был дома даже небольшой телескоп-рефрактор, и я уже небольшим ребенком рассматривала в него поверхность Луны, спутников Юпитера, кольца Сатурна и даже пятна на Солнце. У моего отца было специальное темное стекло для Солнца.

Если мой отец и не говорил со мной углубленно о религии, то от плоского материализма он меня предохранил. Для него, математика, было ясно, что если математики могут рассчитывать 4-х, 5-ти... n-мерные пространства, то эти пространства существуют. Мир не ограничен тремя измерениями, доступными нам в земной жизни. Он не раз говорил мне: "Представь себе двухмерное существо, совершенно плоское, которому доступны только два измерения. Если из третьего измерения в этот мир двух измерений попадет другое существо, совершенно неожиданно и для плоского существа как бы из ничего, а потом так же исчезнет как бы в ничто, т. к. это плоское существо не может воспринимать третьего измерения, то оно будет говорить о чуде или о галлюцинации, возможно, не поверит, что это вообще было. А между тем, такое появление существа трех измерений было вполне естественно. Так и нам кажется неестественным, чудом, если появляется неожиданно или исчезает существо из четвертого, пятого или другого измерения. Между тем, все эти миры есть, только мы не можем их воспринимать и лишь в исключительных случаях с ними соприкасаемся". Я росла в ощущении полной реальности иных миров. Впоследствии это, конечно, мне много облегчило восприятие христианства. Но пока это ясное, почти физическое ощущение иных миров еще не было связано с христианством.

Если б я могла дать своим внутренним устремлениям свободную волю, то, возможно, я бы уже тогда начала изучать философию и историю. Но какую философию можно было тогда изучать в СССР? Не было даже философских факультетов, основанных позже. А история? Она излагалась в ужасном искажен-

ном виде. От моего отца я переняла, и для меня это было неукоснительно, что лгать в своем предмете ученикам нельзя. Я не могла бы этого делать. Я и без того задыхалась в тяжелой липкой лжи, окружавшей нас. И не я одна. Помню, как Валя раз воскликнула: "Я бы все перенесла, лишения, недостатки, только б они сказали правду, но они лгут и лгут!". А в каком предмете можно было обойтись совсем без лжи? Только в чистой математике. Даже астрономов в те времена заставляли утверждать, что астрономия доказала отсутствие Бога. Физики долгое время должны были отречься от теории относительности, хотя в 1936-м году ее разрешили, запрещали только делать из нее философские выводы. Для меня было ясно: я должна укрыться хоть отчасти от всюду довлеющей и мучающей лжи за чистой математикой. Я подала заявление на математико-механический факультет Ленинградского университета и как отличница была, конечно, принята. Катя подала заявление на географический факультет, Валя — на славистику. Обе тоже были отличницами и тоже были приняты сразу же.

На нашем школьном выпускном вечере выступать со словом от выпускников, собственно говоря, должна была бы я как председатель класса. Но я решила, что Валя еще лучший оратор, чем я. Выступление поручим Вале, но мы вместе составим текст ее выступления. Мне не надо было бороться за этот текст в смысле того слова, которое я дала сама себе на выпускном вечере предыдущего 10-го класса. Вале и в голову не пришло предлагать какие-либо благодарности партии и правительству, которыми было напичкано год тому назад выступление Сони. Мы только обсуждали, каких преподавателей мы особо отметим и что именно мы о них скажем. Нам обеим и без слов было ясно, что мы будем благодарить только школу, директора и педагогов, но никого больше. Для школы мы выдумали еще одно: мы решили нашим классным руководителям, многолетнему классному руководителю Василию Алексеевичу и руководительнице 10-го класса Екатерине Петровне преподнести по букету цветов, для чего сделали в классе сбор денег.

Вечер прошел хорошо. Я взошла раньше на сцену, чтобы в соответствующий момент Валиной речи вытащить из-за занавеса заранее там спрятанные букеты, и могла с внутренней улыбкой наблюдать, как краснели хвалимые нами педагоги. Для них это было ново. Классные руководители были в восторге. Все прошло хорошо.

Не помню теперь, кто именно, но кто-то выхлопотал нам экскурсию в Ленинград уже после выпускного вечера. Раз наш класс уже

ездил в Ленинград. Тогда всем, кто там раньше не был, город очень понравился. Я-то знала его, но всегда была рада лишней раз побывать в городе Петра. Конечно, для меня он остался городом Петра, но в своих записках я буду называть его тогдашним официальным именем, тем более, что, как ни странно, мы тогда его и между собой так называли, хотя его улицы в наших разговорах носили старые имена. Никто не говорил. "Пойдем на проспект 25-го Октября", все говорили: "Пойдем на Невский". Помню, как мы тогда осматривали Петропавловскую крепость и экскурсовод у могил императоров, называя имя императора, прибавлял: "Сдох тогда-то". Меня от этого внутренне перерывало.

Теперь с нами должна была поехать Екатерина Петровна. Но она пришла на вокзал и сказала, что у нее что-то произошло, отчего она ехать не может. Руководительницей экскурсии оказалась я. Мы не намечали твердой программы, но мне благополучно удалось достать помещение для ночевки и бесплатные билеты в оперетку. Так что свою обязанность я исполнила.

Летом мои родители захотели наградить меня поездкой в Крым. Это было прекрасное путешествие. Сначала мы поехали в Смоленск к родным, а оттуда по Днепру на пароходе до Киева. В Киеве мы хотели задержаться дольше, но не нашли места для ночлега. Отели были закрыты для советских граждан, туда попадали или партработники, или иностранцы, а частной комнатки мы не нашли. Переночевали несколько ночей в Доме крестьянина, оставив вещи на вокзале в камере хранения, т. к. там в общих залах их негде было запереть. Киев очень красив, но мы могли осмотреть его лишь поверхностно. В Крыму, в Севастополе и потом в Алушке, мы нашли помещения в частных домах. Комнаты сдавать, конечно, не разрешалось, но многие это делали. На Севастополь я смотрела иначе, чем первый раз, когда я была еще ребенком. На этот раз меня захватила героика обороны Крыма. Мы смотрели изумительное полотно Рубо "Оборона Севастополя". С особым чувством я стояла на Малаховом кургане перед памятником адмиралу Корнилову и глубоко возмущалась, что на цоколе памятника адмиралу Нахимову возвышалась для меня тогда уже вполне тошнотворная фигура лысого Ленина. Потом памятник Нахимову был восстановлен, он, к счастью, не был уничтожен. Но тогда на цоколе, где совершенно ясно все говорило об обороне Севастополя, был водружен идол революции. В эту поездку во мне проснулось сильнее ощущение прежней, гордой и цветущей России и горечь за ее поругание. В Алушке же был прекрасный отдых. Так я

вернулась домой, полная впечатлений, и стала готовиться к переезду в Ленинград и

поступлению в университет.
(Продолжение следует)

В прошлом номере "ГЗ" допущена досадная опечатка: на стр. 26, колонка 2, пропущен подзаголовок "9-й КЛАСС". Последний абзац должен быть отделен от предыдущего вышеприведенным подзаголовком.

РЕДАКЦИЯ

В. Я. МИКЛАШЕВСКИЙ

ПОСЛЕДНЯЯ СЛУЖБА А. Н. РАДИЩЕВА И ЕГО СМЕРТЬ В СОВЕТСКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Указ об амнистии был под расписку объявлен Радищеву 31 марта 1801 года. В нем было сказано, что коллежский советник Радищев "...по именному его императорского величества высочайшему указу прощен и из-под присмотра освобожден с возвращением чина и дворянства, с дозволением иметь пребывание, где сам пожелает...". Получив амнистию, Радищев вскоре переехал из Немцова в Петербург.

18 февраля 1700 года Петр I учредил Палату об уложении, продолжавшую свою работу почти во всех последующих царствованиях. При Екатерине II и Павле I она называлась Законодательной комиссией. В основном она сохранилась и при Александре I под названием Комиссии Составления Законов Российской Империи, председателем которой был назначен граф П. В. Завадовский. Комиссия эта должна была продолжить работу предшествующих комиссий и систематизировать уже накопленный ими нужный материал.

В своем рескрипте Завадовскому от 5 июня 1801 года Александр I писал:

"Прискорбно бы мне было мыслить, что труды толиких лет, усилия отличных нашего века умов, намерения государей моих предков, самые приготовления к совершенству, столь уже приближенные, должны остаться без конца и великое дело законоположения... должно пасть в ничтожество"².

Записка Радищева "О законоположении" и другие его записи о законодательстве указывают на то, что автор их вполне разделял критические взгляды, выраженные царем в его рескрипте. Поэтому ничего странного не было в том, что Радищев выразил А. Р. Воронцову свое желание поступить на службу в Комиссию Завадовского. Зная эти его взгляды, Воронцов написал рекомендательную записку Александру I, в которой писал:

"В Комиссии сочинения законов недовольно людей со способностями на сию по себе пространную часть. Коллежский же советник Александр Радищев мог бы в сей работе быть полезен по своим дарованиям и склонности к письменному труду. Потому беру

смелость просить об определении его в Комиссию членом"³.

6 августа 1801 года именным указом царя Радищев был определен членом Комиссии Завадовского с окладом 1500 рублей в год. Вслед за этим Радищева включили в состав коронационной свиты для поездки в Москву.

Сын Радищева Николай (1778—1829) был сначала определен секретарем Коронационной комиссии и ездил с отцом в Москву, а потом, со 2 января 1802 года, был принят на канцелярскую работу в Комиссию Завадовского.

"В Москве, — пишет Д. С. Бабкин, — Александр I подписал указ о возвращении Радищеву ордена Владимира. "Коллежскому советнику Радищеву, — говорилось в указе, — возвращенному в прежнее его достоинство и служащему ныне членом Комиссии о составлении законов, повелеваю возвратить и знак ордена святого равноапостольного князя Владимира 4-й степени, в 1784 году ему пожалованного, со внесением его по-прежнему в список кавалеров сего ордена"⁴.

В работах советских ученых принято считать, что Радищев до смерти остался, по определению Ленина, непримиримым революционером, боровшимся против гнета и издевательства, которым подвергали русский народ царские палачи, дворяне и попы⁵. Поэтому поступление на службу к Завадовскому оказалось, по меньшей мере, требующим объяснения. Ведь Комиссия была подчинена непосредственно Александру I, и Радищев как член Комиссии оказывался доверенным лицом царя и деятельным участником в укреплении монархии путем улучшения ее законодательства.

Поступление Радищева на службу Макогоненко, например, объяснял бедностью, которая принудила его к этому: "...Единственным средством к существованию было жалованье"⁶. Это же объяснение повторяет и Бегунов, придав ему трагическую окраску: "...Из последних сил писатель старался обеспечить материальный достаток в семье и благополучное будущее своих детей"⁷. Но объяснения эти ни на чем не основаны и представляют,

к тому же, Радищева искусным лицемером, сумевшим скрыть свое действительное отношение к существующему строю и к лицам, с которыми общался по службе. Должно быть, понимая несостоятельность объяснений бедностью, Д. С. Бабкин писал: "Причины, побудившие Радищева войти в состав членов Комиссии, до сих пор не раскрыты"⁸. И это свидетельство следует признать добросовестным, принимая во внимание положение советских ученых в то время, когда оно было написано.

Причины и обстоятельства смерти Радищева остаются неясными, так как сохранившаяся часть официальных документов оказывается для этого недостаточной. "Даже современники, — пишет Бабкин, — близко знавшие Радищева, не решались высказываться по этому вопросу с достаточной определенностью"⁹.

В церковной ведомости Волкова кладбища сказано, что 13 сентября 1802 года на этом кладбище был погребен коллежский советник Александр Радищев, 53 лет, который умер "чахоткою", и хоронил его священник Василий Наумов.

В журнале Комиссии Составления Законов под 16 сентября 1802 года, на основании сообщения сына Радищева Николая, записано, что Радищев "...сего сентября 13-го дня, быв болен, умре..."

Из этих документов следует, что Радищев умер от болезни и был похоронен на следующий день после смерти.

2 сентября 1802 года, как записано в "Поденных записях", все пятеро членов Комиссии прибыли в присутствие вовремя, к 9-ти часам утра. Это было редкостью. И дальше в записях следует объяснение этому: "А в 9 часов прибыл в присутствие его сиятельство господин действительный тайный советник сенатор и кавалер граф Петр Васильевич Завадовский; рассматривал сочиненные в Комиссии следующие к составлению законов выписки и разные к тому соображения... Вышел из присутствия в правительствующий Сенат в 12-ом часу"¹⁰.

Вслед за Завадовским, наверное, ушел и Радищев, так как среди вышедших "во втором часу по полудню" его подписи нет.

В комиссии, по словам его сослуживца Н. С. Ильинского, Радищев к каждому заключению Комиссии прилагал свое особое соображение. По поводу этих соображений Завадовский, как пишет Пушкин, "...сказал ему с дружеским упреком: "Эх, Александр Николаевич, охота тебе пустословить по-прежнему! или мало тебе было Сибири?". В этих словах Радищев увидел угрозу. Огорченный и испуганный, он возвратился домой... и отравился". Здесь у Пушкина явная ошибка, так как Радищев умер 10 дней спустя после

описанной встречи с Завадовским.

Говоря об этой же встрече, Макогоненко утверждает, что Завадовский был раздражен деятельностью Радищева в Комиссии и Радищеву будто бы "пригрозили новой ссылкой"¹¹.

Среди пяти членов Комиссии Радищев и Ильинский были чином ниже всех по классу, а опыт службы для Сената был самый меньший у Радищева. От природы властолюбивый, настойчивый и упрямый в своих мнениях, Радищев стремился иметь определяющее, руководящее положение в Комиссии, а значение самой Комиссии мечтал уравнивать с Сенатом. Данных для того, чтобы быть руководителем, судя по сохранившимся записям особых мнений, у него не было. Поэтому причин для огорчений на службе могло быть достаточно, но не могло быть ни одной для испуга, который мог бы стать причиной самоубийства. Но это, конечно, никак не может служить доводом против самоубийства вообще.

Д. С. Бабкин называет причиной смерти отравление, обстоятельства которого остаются загадочными. "На губах клокотала белая пена — следы тяжелого отравления. В продолжительных мучениях, несвязных ответах приглашенному медику Радищев в присутствии рыдающих над ним сыновей скончался в первом часу ночи с 11 на 12 сентября 1802 года"¹².

Радищев болел продолжительное время и лечился, как и все члены Комиссии Составления Законов, в госпитале у штаб-лекаря Ивана Гейснера. Но упомянутый выше медик не был Гейснер и не был он приглашенным. Это был врач царской семьи, лейб-медик Вилье, посланный к умирающему. (Из писателей только Карамзина лечил Вилье). Это было несомненным знаком благоволения к умирающему со стороны Александра I. Архив Вилье, к сожалению, до сих пор остается почему-то недоступным ученым, а он, вполне возможно, хранит в себе сведения, которые могли бы значительно разъяснить причины и обстоятельства смерти Радищева¹³.

В "Биографии А. Н. Радищева, написанной его сыновьями" сын Павел отрицал самоубийство отца: "О смерти Радищева Пушкин пишет совсем не то". Между тем Д. С. Бабкин приводит выписки из сохранившегося архива первоначального текста упомянутой биографии. В ней Павел Александрович так описывает последний день жизни отца:

"Утром этого дня, почувствовав себя особенно тяжело, он, принявши лекарство, беспрестанно беспокоясь и имея разные подозрения, вдруг берет стакан с приготовленной в нем крепкой водкой для выжиги старых офицерских эпюлет его старшего сына и выпивает его разом... Потом, схватив

бритву, хочет зарезаться. Старший его сын заметил это, бросается к нему и вырывает у него бритву"¹⁴.

Из всего этого можно заключить, что самоубийство отравлением, названное впервые Пушкиным, имеет под собой основание. Так же следует признать имеющей основание и параллель у Пушкина между описанным Радищевым в "Житии Ф. В. Ушакова" мучительным умиранием его друга студенческих лет с умиранием самого Радищева. Умиравший "...на 21-ом году своего возраста от следствий невоздержанной жизни" Ушаков, "терзаемый паче всякого истязания", по Радищеву, попросил яду у А. М. Кутузова. Поддержанный Радищевым, Кутузов отказался исполнить эту просьбу. По этому поводу Радищев пишет в "Житии Ф. В. Ушакова": "...болящий не ошибался в мучении своем и был прав, желая скончания оно, а мы не правы, дав оному продолжаться". Ко всему этому можно еще прибавить слова Радищева о значении примера из главы "Ездрово" в его "Путешествии": "Пример есть истинная чума, и кто что видит, тот то и делает".

Среди обильной литературы, касающейся в какой-то мере смерти Радищева, интересна своим удивительным ходом рассуждений довольно длинная статья проф. Тартуского университета Ю. М. Лотмана "Источники сведений Пушкина о Радищеве (1810—1822)", посвященная исследованию отношения Н. М. Карамзина к самоубийству Радищева, в которой высказано предположение, что отношение это отразилось в статье Пушкина "Александр Радищев".

Назвав Радищева крупнейшим русским писателем, а его "Путешествие" прославленным "на всю Россию", Лотман естественно предположил, что смерть Радищева не могла не вызвать отклик в творчестве Карамзина. Таким откликом, в котором Карамзин выразил свое отношение к смерти Радищева, Лотман считает публикацию перевода статьи графини Жанлис (1746—1830) "О самоубийстве" из парижского журнала "Новая библиотека романов" (т. XО). Статья эта является рецензией на книгу Г. Гильона "Разговоры о самоубийстве". Перевод ее был напечатан в первом октябрьском номере двухнедельного журнала Карамзина "Вестник Европы" (№ 19, 1802), то есть спустя меньше трех недель после смерти Радищева. Статью Лотман называет одним из "враждебно-полемиических откликов на смерть Радищева", которая "является интересным свидетельством борьбы Карамзина с идеями и личным обаянием автора "Путешествия из Петербурга в Москву"¹⁵.

Если в самом деле, как утверждает Лотман, Радищев при жизни был крупным и прославленным писателем, то откликов на его

смерть должно бы было быть много. И Лотман поэтому, надо думать, и считает статью Жанлис одним среди известных ему откликов, но не называет почему-то ни одного другого. Между тем, выбор этой статьи, как увидим, следует признать неудачным, так как обосновать связь ее со смертью Радищева Лотману не удалось.

В своей статье Жанлис писала:

"Писатели-филантрописты исполняют священную должность, восставая против софистов, развратителей народа..." И дальше: "В книге Г. Гильона много прекрасных чувств и рассуждений. Жаль только, что автор мало пользовался историею; он мог бы доказать ею: 1) что те немногие из великих мужей древности, которые убивали себя, следовали единственно движению совершенного отчаяния или порочного самолюбия... 2) что самоубийцы и в древние и новые времена были почти все или злодеи, или развратные люди, без правил, или юноши, ослепленные страстью; что книги, в которых оправдывается самоубийство, умножили число сих преступников"¹⁶.

Хотя статья Жанлис явно не связана со смертью Радищева, Лотман убежден, что публикация ее вызвана недавней смертью его и "представляет полемиический отклик Карамзина на гибель Радищева". "Резкий тон выступления Карамзина был, видимо, — пишет Лотман, — вызван боязнью широкого общественного сочувствия гонимому писателю"¹⁷. И дальше: "Резкий и бестактный выпад Карамзина против "софистов, развратителей народа" и дел их, "служащих иногда предметом удивления", был, как мы предполагаем, попыткой помешать росту популярности Радищева и предотвратить распространение идей, враждебных консервативно настроенному писателю"¹⁸.

Если бы даже Карамзину были известны идеи Радищева, которые имеет в виду Лотман, и он действительно избрал бы рецензию Жанлис средством борьбы с влиянием тех идей, то выбор этот следовало бы признать очень странным и безусловно плохим. И это уже потому хотя бы, что Лотман оказался первым, кто спустя больше ста пятидесяти лет после опубликования этой рецензии предложил прочесть ее как отклик на смерть Радищева.

Для Лотмана рецензия является намеренным со стороны Карамзина дискредитированием самоубийства Радищева, низведением его на степень "трагикомического поступка". Само же низведение и составляет у Лотмана содержание "тенденциозной легенды" Карамзина о "побудительных причинах самоубийства" Радищева. Легенду эту, по мнению Лотмана, Пушкин изложил в статье "Александр Радищев".

"...Сообщенная Пушкиным легенда о побудительных причинах самоубийства автора "Путешествия" не является объективной, — пишет Лотман. — Внимательно вчитываясь в ее текст, можно обнаружить совершенно определенную тенденцию: Радищев испугался, и боязнь его была вызвана не реальной угрозой, а болезненной мнительностью. Трагическая гибель одного из величайших людей в истории России низводится до трагикомического поступка странного "мизантропа"..."¹⁹.

Пушкин в своей статье совершенно ясно пишет, что для Радищева не существовало никакой угрозы, которая могла бы стать причиной самоубийства. ("Болезненную мнительность" Лотман прибавил от себя). Больше того, Пушкин указывает на болезнь Ушакова со страшными болями, как уже отмечалось выше. В статье его за дружеским упреком Завадовского следуют слова о Радищеве: "...он возвратился домой, вспомнил о друге своей молодости, об лейпцигском студенте (не о Катоне из пьесы Аддиссона. — В. М.), подавшем ему некогда первую мысль о самоубийстве, и... отравился. Конец, им давно предвиденный и который он сам себе напроорочил!". Все здесь изложено ясно и не требует какого-либо особо внимательного вчитывания. При этом Пушкин достоверно знал, что никаких оснований подражать Катону у Радищева просто не было, и об этом подробнее будет речь ниже.

"Героическое самоубийство" Радищева для Лотмана несомненно. Таким оно, по его предположению, было и для Карамзина, если не автора "тенденциозной легенды", то ее сторонника. Зная о многолетнем общении Пушкина с Карамзиным и его семьей, невозможно предположить, чтобы сведения Карамзина о смерти Радищева не были известны Пушкину. А из этого необходимо следует, что Пушкин не просто, по неосведомленности, повторил "тенденциозную легенду" Карамзина, а в свою очередь тенденциозно использовал ее в своей статье. Сделать такое заключение Лотман не решился и предложил считать Пушкина жертвой недостаточной осведомленности о смерти Радищева и доверчивости к услыванному в кругу знакомых и, может быть, от самого Карамзина. Последний в этом случае оказывается человеком, который скрыл от Пушкина имевшиеся у него сведения.

"Не может быть сомнения, — пишет Лотман, — что тенденциозная легенда, которая не могла быть почерпнута Пушкиным из документальных материалов, стала известна поэту со слов человека, принадлежавшего к лагерю идейных противников Радищева. Не лишено вероятности предположение, что человеком этим был Н. М. Карамзин"²⁰.

Если вспомнить, что во всем литературном наследстве Н. М. Карамзина нет даже упоминания о Радищеве, то вероятность предположения Лотмана, что Карамзин был источником "тенденциозной легенды" для Пушкина, станет очень сомнительной. Да и Пушкин, как мы видели, не нуждался в ней. Но статья Лотмана и не могла быть написана иначе, потому что слава "на всю Россию" "Путешествия" и "героическое самоубийство" Радищева были автору "наперед заданы"...

Ю. М. Лотман — крупный и очень влиятельный историк литературы, и статья его, несомненно, является образцовой в советском литературоведении. Потому ей и уделено здесь было так много места.

Большинство советских ученых убеждено, что Радищев был доведен до отчаяния ожиданием неминуемой новой ссылки, которое привело его к самоубийству. Сам же Радищев при этом будто бы уподоблял себя Катону, который предпочел самоубийство помилованию от Цезаря, которое считал для себя позором. Все это нашло свое типичное выражение в трехтомной "Истории русской литературы", где сказано следующее: "В судьбе первого русского писателя-революционера самодержавие дважды выступило в роли палача: первый раз — в 1790 г., когда приговорило его к смертной казни, замененной ссылкой в Сибирь; второй раз — в 1802 г., когда новыми угрозами довело его до самоубийства, которое Радищев рассматривал в духе представителей античности как единственно возможный в тех условиях активный протест против "тирана"²¹".

Д. Благой о будто бы предстоящей новой ссылке пишет неопределенно, как о кем-то создающейся угрозе, но которую, тем не менее, он считает причиной самоубийства Радищева, принявшего смертельную дозу яда. Само же самоубийство Благой представляет победоносным политическим мятежом Радищева, его моральным торжеством над своим, не названным Благим, мучителем и тираном²². Этим тираном и мучителем следует считать, должно быть, Александра I, так как гр. П. В. Завадовский на эти звания, даже в чисто риторическом заявлении, никак не подходит. Но и Александр I, в его отношении к Радищеву, как мы видели, также не годился на эту роль...

Такую же, как у Благого, причину самоубийства Радищева и с таким же, примерно, обоснованием называет и Г. П. Макогоненко²³.

Имя Катона упоминает у Радищева в "Путешествии" (глава "Крестьяны") "хороший во всех отношениях" родовитый дворянин, наставляющий своих сыновей, которым "несчастный предрассудок дворянского звания велит... идти в службу". В конце этого длинного наставления, полного не блещущих

новизной поучений, отец говорит: "В наследие вам оставляю слово умирающего Катона". Об этом слове автор примечаний к книге Радищева²⁴ пишет, что под ним "Радищев, по-видимому, имеет в виду предсмертные слова Катона, приведенные историком Плутархом: "Теперь я принадлежу себе". На самом же деле Радищев определенно имеет в виду упоминающуюся им в конце главы "Бронницы" пьесу Д. Аддисона "Катон", названную у него "Смертью Катоновой". Плутарх в данном случае ни при чем, так как у него умирающий Катон никому никакого слова не оставляет²⁵. Вообще же уподобление Радищева Катону не имеет никакого основания и указывает только на небрежное отношение к фактам и неуважение к читателю...

Все обоснования самоубийства Радищева у большинства советских авторов, в конечном счете, не что иное, как агитпроповское политическое красноречие, которому в нормальных условиях свободной критики не было бы места в статьях и книгах литературоведов. И таким все это и следует принимать...

Радищев не отличался хорошим здоровьем. Осенью 1798 года он, например, жаловался на слабость из своего Немцова Воронцову: "Эта слабость тем более досадна, что она превышает телесные силы".

Первый день службы Радищева в Комиссии Завадовского записан в "Поденных записях" под 13-ым августа. Вторым днем было 23 декабря, а всего в 1801 году он был в присутствии 5 раз. Правда, как член Комиссии Завадовского он выехал 26 августа в Москву на коронацию в составе свиты царя. После коронации, имея на то разрешение, он оставался в Москве почти четыре месяца, возвратившись в Петербург к Рождеству.

В следующем, 1802 году, Радищев по болезни пропустил с января по август 32 дня. В августе он был в присутствии всего четыре раза, а в сентябре пришел только 1-го и 2-го числа и оба раза ушел домой преждевременно. Через десять дней, 12 сентября, он умер.

По всей видимости, продолжительная и тяжелая болезнь непрерывно усиливалась, а с августа начала быстро развиваться, сделавшись невыносимо болезненной в последние дни перед самоубийством. Похожа ли была болезнь Радищева на болезнь Ушакова, неизвестно, но упомянутая между ними параллель в статье Пушкина "Александр Радищев" кажется вполне вероятной. Настоящую же болезнь и обстоятельства смерти Радищева сыновья его сочли почему-то нужным скрыть.

Май 1982 — декабрь 1989

ПРИМЕЧАНИЯ

¹, ², ³, ⁴ Цит. по: Д. С. Бабкин. А. Н. Радищев. Лит.-общественная деятельность. Наука. М.-Л., 1966, с. 194, 197, 194, 200.

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 21, изд. 4, с. 85.

⁶ Г. П. Макогоненко. А. Н. Радищев. Просвещ. М.-Л., 1965, с. 142.

⁷ Ю. К. Бегунов. "Путешествие из Петербурга в Москву" А. Н. Радищева: Книга для учащихся. Просвещ. М., 1983, с. 80.

⁸, ⁹ Д. С. Бабкин. Ук. соч., с. 195, 263.

¹⁰ Д. С. Бабкин. Ук. соч., с. 309. Приложение: "Поденные Записи" о деятельности Радищева в Комиссии составления законов.

¹¹ "Деятельность Радищева в Комиссии вызвала раздражение ее председателя. Радищеву пригрозили новой ссылкой. Поняв бесплодность своей деятельности, Радищев 11 сентября 1802 года принял яд и 12 сентября умер".

Русская литература XVIII века. Хрестоматия.

Сост. Г. П. Макогоненко. Л., 1970, с. 626.

¹² Д. С. Бабкин. Ук. соч., с. 33.

¹³ "Что-либо интересное по этому вопросу можно было бы, вероятно, обнаружить в бумагах Вилье — последнего человека, разговаривавшего с Радищевым и расспрашивавшего его о причинах рокового решения. Предпринятые нами попытки в этом направлении не дали результатов. Архив Вилье не сосредоточен в каком-либо одном хранилище, и основная часть его осталась для нас вне досягаемости".

Ю. М. Лотман. Источник сведений Пушкина о Радищеве...

В сб.: Пушкин и его время. Вып. 1. Эрмитаж. Л., 1962, с. 52.

Говоря о посылке Вилье к Радищеву, Лотман так объясняет ее смысл: "В данном случае политический смысл лицемерного жеста царя ясен: видимостью милостивого участия он хотел предотвратить возможность истолкования поступка Радищева как акта протеста" (с. 53). Это утверждение Лотмана о лицемерии и трусости царя является бессовестным повторением все еще обычной в СССР клеветы на прошлое России.

¹⁴ Цит. по: Д. С. Бабкин. Ук. соч., с. 264.

¹⁵ Ю. М. Лотман. Ук. соч., с. 53.

И. В. Немировский мягко назвал обоснование Лотманом связи рецензии Жанлис со смертью Радищева НАБЛЮДЕНИЕМ, несущим проблемный характер. И к этому добавил: "Никаким более конкретным материалом о взаимоотношениях Радищева и Карамзина мы не располагаем".

И. Б. Немировский. Швейцарская тема в "Вестнике Европы" Н. М. Карамзина.

В сб.: XVIII век. Сб. 16. Наука. Л., 1988, с. 280.

¹⁶ Цит. по: Ю. М. Лотман. Ук. соч., с. 58.

¹⁷, ¹⁸, ¹⁹ и ²⁰ Ю. М. Лотман. Ук. соч., с. 58, 59, 60 и 60.

²¹ Ист. русск. лит. в 3 тт. М.-Л., 1963, т. II, с. 39.

²² Д. Благый. Писатель-революционер XVIII века. Вступ. ст. в кн.: А. Н. Радищев. Путешествие... Изд. 2. Детгиз. М., 1962, с. 38—39.

²³ Г. П. Макогоненко. А. Н. Радищев, с. 146.

²⁴ А. П. Шувалова. Примечания, с. 227.

В кн.: А. Н. Радищев. Путешествие... Изд. 2. Детгиз. М., 1962.

²⁵ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. АН СССР. М., 1964, т. 3, с. 73.

В. РУДИНСКИЙ

ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

“Новый Журнал” №№ 174, 175 и 176. Продолжения, продолжения... О романе К. Ушакова “Серп и молот”, о материалах из наследия Е. Замятина и из таковых Ильязда мы уже говорили. К ним прибавились “Воспоминания” князя П. Оболенского, доведенные до его отъезда из СССР в 1929 г. Г. Дерюжинский ностальгически описывает Петербург своих детства и юности, в сказочные годы до 1-ой мировой войны. В широком смысле к воспоминаниям принадлежит и “Следствие” М. Горчакова, — рассказ об его аресте и допросах в 1944 г., по одному делу с А. Белинковым. Особо выделим живые зарисовки Р. Зерновой, касающиеся ее встреч с Ахматовой и Ленинградского Университета 30-х годов, “Иная реальность”.

Из беллетристики превосходит рассказ Н. Ильиной “Под Берлином”, явно навеянный историей профессора Тимофеева-Ресовского, но с иной, чем в жизни, счастливой развязкой. Любопытна пьеса В. Костакел о Л. Толстом, “Яснополянская драма”, выдержанная в относительно объективных тонах. Упомянем еще 2 коротких, трагических по сюжету рассказа, “Свои” А. Хахулина и “Буря” А. Шелиевкера, оба из времен Второй мировой и оба довольно удачные. На голову выше всех остальных рассказ И. Муравьевой “Душа, плывущая в эфире”, хотя он и грешит не очень нужным модернизмом (перескакивания во времени и от персонажа к персонажу). Впрочем, мы имеем пока что только его начало.

Лирический очерк О. Максимовой “Флоренция — любовь моя” наводит на мысль, что автору лучше бы писать именно в таком жанре, а не заниматься нечестными и до смешного неубедительными нападками на В. Солоухина, которые она сделала своею специальностью. Близок по характеру и другой очерк того же типа, С. Голлербаха, “На Западной Стороне”, о Нью-Йорке за 40 лет.

О Ч. де Габриак уже написано очень много. Однако в исследовании З. Давыдова и В. Купченко “Черубина” можно найти не

лишенные ценности уточнения и дополнения, в частности о последних годах Е. Васильевой, пée Димитриевой. Про внутренний мир женщины, игравшей сердцами Волошина и Гумилева, остается лишь строить догадки. Из ее стихотворения, посвященного памяти Гумилева, выпишем завершающие строки:

И звезда твоя — имя поэта

Неотступно и верно с тобой

Подборка писем Бальмонта Д. Шаховской оставляет приятное впечатление о личности поэта (например, он дружески отзывается о Бунине; а тот, напротив, о нем — гадко и крайне несправедливо). Жаль, что не объяснено, кто такая была Дагмар Шаховская (имя датское, а фамилия русская, аристократическая)? Отметим монархические нотки, вплоть до сочувствия манифесту Великого Князя Кирилла Владимировича, показывающие, как далеко Бальмонт отошел от революционных увлечений своей молодости (что пронизательно засвидетельствовала о нем Цветаева).

И. Чиннов использует некрологические заметки об архиепископе И. Шаховском для сведения счетов с покойным Д. Кленовским, пренебрежительно (и вполне за дело!) отозвавшимся некогда об его, Чиннова, стихах. Кленовский, не слишком крупный, но настоящий поэт, хорошо разобрался в пустозвонном версификаторстве своего младшего собрата. Мстя ему, тот с фальшивым возмущением цитирует теперь слова Кленовского об Ахматовой, в письме к Шаховскому: “Вы, конечно, помните, что во время войны и некое время после нее Ахматова в своих стихах славословила Сталина и советский строй. В эмиграции отнеслись к этому на редкость терпимо и с подлинным великодушием, объясняя происшедшее тем, что Ахматова хотела таким образом облегчить участь арестованного сына. Возможно, что такое предположение было правильным, но сам сын Ахматовой, по-видимому, воспринял это иначе, тем более, что в предисловии к вышедшему в СССР несколько лет назад сборнику своих стихов Ахматова, повествуя

о своей жизни, ни единым словом не обмолвилась об его отце, то есть о Гумилеве. Надо сказать, что у меня к Ахматовой отношение не вполне благополучное. Ее славословий Сталину и советским порядкам я все-таки с ее "текущего счета" сбросить не могу. Мне очень несимпатично в Ахматовой то, сколь она кичится тем, что осталась в СССР".

Между тем, Кленовский совершенно прав. Не следует идеализировать Ахматову и подменять ее реальную фигуру вымышленной, иконописной или тем паче монументальной. "Лакировщики" и "бронзировавшие" — самые вредные люди в среде литературоведения!

В. Купченко публикует 3 письма известного советского писателя В. Вишневского, — где тот в лицо льстит Волошину и его вдове, а за спиной втоптывает их в грязь, — и заканчивает публикацию вопросом: "Нужны ли комментарии к этим трем документам?..". Комментарии можно формулировать кратко: "Прохвост!".

"Заря" №№ 22, 23 и 24. Мы говорили и раньше: самая положительная черта журнала — в его сочувствии власовцам, память дела которых он, как умеет, защищает; а самая скверная — в поразительно бедном образовательном багаже редакции, уснащающей текст грубыми и нередко смешными ошибками.

Целиком присоединяемся к словам Н. Нарымова в статье "Расплата": "Что бы ни говорили разные малинковичи, Освободительное Движение имело широкую поддержку и симпатию среди населения. Никакая бешеная пропаганда не в силах доказать обратное".

Большой очерк о французской революции А. Тарасова во многом правдив, хотя и грешит несправедливостью к королю: слабость Людовика XVI заключалась не в безразличии к событиям, а в болезненном страхе перед кровопролитием среди собственного народа; в чем он, конечно, был неправ.

В отделе "Среди книг и журналов" П. Ковалев не совсем правильно критикует "Жизнь и судьбу" В. Гроссмана, в том числе за руссофобию. В данной-то книге особой руссофобии нет; хотя Гроссман такую сполна проявил в другой, "Все течет". Из его же рецензии на "Время и Мы" приведем такое высказывание: "Масонство — это прежде всего партия с мафиозной структурой, благодаря которой примазавшиеся к ней посредственности становятся во главе государств или разного рода корпораций и организмов, оказывающих пагубное влияние на жизнь человеческого общества". Здесь же по актуальному вопросу о "Руссофобии" Шафаревича автор горячо принимает его сторону и весьма хлестко высмеивает нападки на него Е. Эткинда.

С чувством ужаса читаем откровения

вроде того, что К. Маркс родился в Треве. По-русски (как и по-немецки) сей город именуется Трир. Не лучше того и упоминание о персидской династии **Ашменидов**. На деле это были Ахемениды. Чаушеску тут называют **кондюкатор**, вместо правильного по-румынски кондуктор, сиречь "вождь", "руководитель".

Самое нелепое, вызывающее невольное раздражение, есть принцип журнала употреблять все иностранные или хотя бы звучащие на иностранный манер фамилии как несклоняемые: "Воспоминания Давида Азбель", "статья Якова Хейфец", "к генералу Асберг" и т. п. Согласно подобной системе, пришлось бы писать, скажем: "Стихи В. Кюхельбекер и А. Дельвиг сильно отличаются от стихов О. Мандельштам и Б. Пастернак". А это уже — сплошное надругательство над русским языком!

"Вече" №№ 34, 35 и 36. Курс альманаха заметно изменился. Прежде слово **монархия** было в нем табуировано. Теперь встречаются статьи, как "Российское самодержавие и русское будущее" В. Карпеца, начинающаяся строками: "История человечества есть прежде всего история монархий. Монархическая государственность у разных народов насчитывает несколько тысячелетий, история демократий — несколько веков. В соцветии мировой истории российское самодержавие — жемчужина, затоптанная ногами и упрятанная под спуд". Рядом, в статье В. Т. "Феномен нашего времени", говорится: "Мы считаем, что внезапное возникновение феномена почтения царской семьи является наиболее адекватным, глубоким и точным признаком возрождения русского национального самосознания". Вторая статья Карпеца "Погибельные тропы и последние пути России", хотя и слабее гораздо (в частности, в апокалиптических своих прозрениях), проникнута, в основном, тем же духом. Похоже, что давление борцов с коммунизмом внутри СССР заставило редакцию признать силу монархической идеи у нас на родине и примириться с ее существованием. Такой поворот мы можем только одобрить. Лучше поздно, чем никогда. Зато осудим решительно "Письмо в редакцию" Е. Вагина с утверждением, будто "Вече" изначала носило монархический характер. Это неправда, как оно всем известно. Сам г-н Вагин прославился ведь теорией, что монархию надо **вымолчать**, никогда не поднимая о ней вопроса в печати.

Другие статьи выражают ультрапатриотические взгляды, причем не без крайностей. В. Аксютин ("Русская идея") проповедует русский мессианиззм, впадая в опасные преувеличения. Он, например, отмечает весь наш петербургский, имперский период и

алчет возврата к допетровской Руси. Сие, полагаем, и невозможно, и нежелательно. Конечно, данные идеи представляют собою доведение до предела концепций И. Солоневича; но в подобной форме они уже становятся абсурдными.

Д. Балашов ("Формирование русской нации"), стремясь уточнить понятие **русского патриотизма**, цитирует В. Распутина: "Никогда в нем, российском патриотизме, не было и не будет нелюбви к другим народам". И от себя добавляет: "Неправда, будто бы наш патриотизм заносчив и обиден для других — нет в нем ни националистической ограниченности, ни шовинистической замкнутости в себе... Нужно ли говорить о том, что в отличие от бездушного и насквозь фальшивого "советского патриотизма" (фикции, которой нет соответствия в живой жизни), патриотизм русский воодушевлен и вдохновлен **верою**, просветлен и согрет православным миропереживанием, истинно христианским отношением к ближнему". Даже если рассматривать сии определения как идеал, как пожелание, то и то надо сказать: многие ли народы могут так свои чувства формулировать? Нельзя не признать, что, например, немецкий или английский патриотизм всегда откровенно ставил себе совсем иные задачи.

Н. Воейков начинает свое исследование "Двухсотлетие Великой Французской Революции" следующим сопоставлением: "О первой дерзновенной попытке выступления возгордившегося человечества против Бога — Творца повествуется в Библии... Нечто подобное "Столпотворению Вавилонскому" суждено было повториться при Великой Французской Революции. Обезумевшая толпа парижан, празднуя победу свержения своего короля, в древнем соборе Богоматери приветствовала святотатственную церемонию коронации уличной девки "Богини Разума", коему учрежден был культ". И комментирует: "Среди причин, вызвавших подобное смятение умов во Франции, следует назвать постепенную дехристианизацию западного мира".

В. Тростников ("Чума 20-го века") подводит итоги несчастьям, принесенным России коммунизмом. Ставя вопрос, есть ли некая мировая организация, созданная силами зла, он приходит к выводу, что нет: вся беда в **вирусе** марксизма, заразившем нашу родину и значительную часть человечества вне ее. Сравнение гибельной теории с болезнью соблазнительно. Но, как вообще сравнения, вряд ли исчерпывающе верно. Объясняет ли оно все происшедшее и происходящее? Можно сомневаться.

В. Распутин ("Культура: "правая, левая где сторона"?") констатирует: "И сегодня на всякого, кто пытается напомнить об отечественных корнях или, не дай Бог, о святооте-

ческих началах, немедленно набрасываются как на опричника Ивана Грозного или Сталина, стоящего на культовых или клерикальных позициях и не имеющего ни биологического, ни гражданского права существовать в эпоху демократических перемен. Инакомыслием в собственной стране стало рассуждение, даже с оговорками, о ее самостоятельности; невежеством и косностью — обращение к вечным ценностям нравственности и культуры". Он, впрочем, тут же цитирует слова Достоевского: "А между тем нам от Европы никак нельзя отказаться. Европа наше второе отечество".

Защищая И. Шафаревича, К. Питорин ("О руссофобии и русском патриотизме") возражает Б. Хазанову; В. Симанский ("Руссофобия вокруг "Руссофобии") — Б. Хазанову, Г. Андрееву и Е. Эткинду. В основном, они совершенно правы, даже если не все их аргументы приемлемы. Особо выделим блестящую по форме статью В. Вулич на ту же тему "Неблагодарная задача: лгать", откуда выпишем справедливую фразу: "Русскому вообще несвойственно ненавидеть кого-то по расовому признаку".

"Современная проповедь" архимандрита Иоанна Крестянкина "Слово о малом доброделании" дышит светлым подлинно евангельским духом.

Превосходное "Выступление В. Солоухина на вечере фонда восстановления храма Христа Спасителя" содержит следующее, исполненное трезвого оптимизма место: "Необратимость начинается в том случае, если окончательно умер сам народ. Если же есть надежда на выздоровление, на воскресение народа, не надо ссылаться на необратимость!".

"**Беларускі Голас**" № 352. К номеру приложены 4 страницы фотографий, отражающих жизнь белоруссов в Канаде, — литературную, общественную, артистическую, — за 40 лет. Клад для тех, кого вопрос интересует! Находим мы здесь, отдельно, и портреты всех главных сотрудников "Белорусского Голоса".

Газета сообщает, что многие злодеи, организаторы расстрелов в Куропатах, известные родным жертв, благополучно здравствуют и, получая хорошие пенсии, живут вольготно, а то и роскошно. Рядом маленькая заметка рассказывает, что в Канаде продолжается людоедская деятельность всяких комиссий по истреблению (мнимых) преступников войны... В каком безумном мире мы живем!

"**Вестник Р.Х.Д.**" № 157. Солженицына и тут больше не видим, как и ни в каком другом журнале Зарубежья. Зато находим его в изобилии в советской печати: в "Новом мире", "Неве", "Дружбе народов". Грустно. То есть, можно бы порадоваться, что он стал доступен публике в подъяремной

России. Хотя там и без того, по части разоблачений сталинщины и описаний концлагерей, — материалов сейчас пруд пруди. А вот что он (соблюдая условие?) молчит нам о событиях — очень важных! — в СССР, в эмиграции, в иностранном мире, это серьезная потеря. Не только мы, но и западная пресса удивляется его внезапному и несвоевременному безмолвию.

В статье "Литургическая молитва и личное благочестие" Н. Струве констатирует: "Марина Цветаева утверждает, что каждое стихотворение в сущности посвящено Богу". Любопытно бы знать, как это у него в сознании мирится с тезисом, многократно им формулированным, будто Цветаева была атеисткой и к религии совершенно невосприимчивой?

Он же, в "Реплике", высказывает мысли, которые нам кажутся сомнительными и, выражаясь церковным языком, соблазнительными: "Но вот разразилась война 41-го года, и митрополит Сергей, выстоявший с группой епископов все преследования, нашел в себе мужество встать на оборонческую позицию, что повлияло на изменение политики власти по отношению к Церкви. В событиях войны пресловутая декларация митрополита Сергея получила свое частичное оправдание: впервые и, увы, не на долгое время, радости государства могли быть признаны и разделены церковным народом". Все сие, впрочем, закончилось, как тут же и указывается, так: "В 1952 г. все церковные и религиозные объединения, от буддистов и мусульман до старообрядцев разных толков объединились в Загорске в общем славословии Сталину".

У иерархов в поработанной России, возможно, иного выхода и не имелось. Но одобрение **таким вещам** в эмигрантском журнале нас сильно корбит.

Публикуя вполне приличное по тону сообщение Г. Рябова о нахождении останков царственных мучеников, "Вестник" присовокупляет к оному безобразное выступление некоего **Генриха Зиновьевича** (Иоффе?), производящее крайне неприятное впечатление.

Статья С. Булгакова "Расизм и христианство" заслуживает внимательного прочтения: в ней, в сущности, развиты различные, отчасти и противоположные взгляды, и читателю предоставляется сделать между ними выбор.

"Континент" № 62. Начнем с того, что получше, в разных отделах. Превосходна рецензия Д. Штурман на книгу В. Дудинцева "Белые одежды", переполненная до отказа глубокими, оригинальными и верными мыслями. Справедливы возражения, с юридической точки зрения, П. Хантворт по поводу процесса Демьянюка. Из беллетристики рассказ В. Шубинского "Фонтан слез", по крайней мере, читается легко и без скуки; хотя

лубочные изображения **ужасов крепостничества** и нравов екатерининской эпохи обнаруживают больше смелости, чем подлинных знаний.

Из авторов стихов заслуживает упоминания только А. Дементьев:

О Черный Ворон, Черный Ворон,
Ты был внезапен, как испуг,
И просыпался целый город
На каждый стук.

Весьма ценны воспоминания В. Лурье, в особенности о Гумилеве (а она была знакома и с Белым, Эренбургом, встречала и Есенина). Выпишем несколько фраз: "Гумилев производил впечатление очень спокойного человека. Его узкое лицо не было красивым, но необычайно привлекательным... Гумилев был монархистом, абсолютным противником советского режима... Доклады и семинары Гумилева были всегда очень интересными". Лурье добавляет: "Я посвятила Гумилеву несколько, по-моему, совсем неплохих стихов". Хотелось бы их прочесть!

"Кукла" В. Максимова — нечто вчистую бессмысленное и с претензиями. То же самое подобает сказать и о трех рассказах В. Межибовского. "Демократия" И. Бродского изображает перестройку в Прибалтике в тонах злой и ядовитой сатиры. Е. Звягин с отвращением описывает действительно отвратительных **богемных христиан** в СССР.

С чувством глубокого огорчения прочли мы очерк М. Шнеерсон "Художественный мир писателя и писатель в миру". До сих пор, сквозь призму ее прекрасных работ о Солженицыне, она рисовалась нам как женщина умная и честная. Ныне же она, маршируя твердым шагом, примыкает к несправедливому стану; и сразу же приемы ее становятся недобросовестными и не внушающими доверия.

Есть категория людей, которые ни за что не хотят примириться с возникающим на горизонте воскресением России, только и могущим принять форму ее возврата к христианским традициям. Как не вспомнить строки Лермонтова:

Им нестерпима, им обидна
Величья нашего заря.

Понятно, для таких лиц ненавистны писатели, творчество коих отражает духовный перелом в судьбе нашей родины. Надо их опорочить. И вот Шнеерсон им припоминает прошлые провинности: Ч. Айтматов и В. Быков выступали против Солженицына, а В. Солюхин, и того хуже, против Пастернака!

Не пора ли бы объявить всеобщую амнистию? Ведь коли такие грехи считать, то почти все без исключения подсоветские писатели в них замараны; в том числе и самые почитаемые в диссидентских кругах, живые и мертвые, даже и пребывающие сейчас в

эмиграции. Нам решительно неохота открывать этот печальный счет; но уж если придется!...

Автор очерка все время обещает нам разоблачить некие страшные преступления В. Астафьева и В. Солоухина, избранных ею мишенью. И что же? Гора рождает мышь.

Астафьева она клеймит за антисемитизм на основе случайной и безобидной фразы о **еврейчатах** в провинциальном вузе; а затем смакует его злополучную переписку с Эйдельманом. Совести у нее все же еще хватает признать, что: "Эйдельман во многом был неправ", что его письмо было "высокомерное" и его "выпады по поводу рассказа "Ловля пескарей в Грузии" попросту несправедливые". Но что же тогда так уж цепляться к Астафьеву, который на оскорбительное письмо ответил оскорбительным тоже (пускай чрезмерно; нельзя же требовать, чтобы он буквально, получив пощечину, подставил и другую щеку? Впрочем, он потом выразил сожаление о своей запальчивости).

В отношении Солоухина многозначительные намеки на тяжесть его **грехов**, на то, что душа у него **искалеченная**, что он совершил какие-то злодеяния... А все сводится-то опять к тому же: был советским писателем, состоял в партии... Как говорится в народе: "Всего-то и делов!"

Занятная деталь. Астафьев с горечью говорит о недостатках русского народа, — и Шнеерсон это воспринимает как должное, да еще и трунит, что, мол, как бы ему не приписали **руссофобии**! Солоухин подчеркивает светлую сторону русской души, — и вызывает тем у рецензентки острое раздражение. Поистине! "Куда ни кинь, все будет клин!"

(Нам представляется, что рецензия на статью М. Шнеерсон "Художественный мир писателя и писатель в миру" покоится на сплошном недоразумении. М. Шнеерсон пишет очень тепло о творчестве В. Солоухина и уж никак не выступает против русских или величия России. Свою горечь она высказывает даже не по поводу выступления В. Солоухина против Б. Пастернака много лет тому назад, а по поводу письма В. Солоухина, написанного недавно и касающегося этого давнего выступления. В этом смысле мы тоже думаем, что это письмо лучше бы осталось ненаписанным. Нельзя творить себе кумира ни из одного человека, и у каждого человека могут быть срывы и ошибки. О них надо говорить так же открыто, как и о заслугах этого человека.

В. Пирожкова)

В "Колонке редактора" В. Максимов прописывает ижицу коллегам, редакторам "русскоязычных" журналов Зарубежья (к нам-то сие не относится: наш журнал русский, а не

русскоязычный). Мы узнаем о них следующее: "Один из них — несостоявшийся астрофизик, другой — бывший газетчик средней руки, третий (кстати, моя родная сестра) — удавшийся математик, четвертый — школьный учитель, пятый — писательская жена, домашняя хозяйка, на досуге пробавляющаяся окололитературными скандалами, шестой — вчерашний дантист".

Собственно-то говоря, что же тут такого позорного? Редакторы журналов — не обязательно (и даже редко) писатели, а в профессии врача или преподавателя ничего компрометирующего вроде бы и нет. Больно уж спешив стал возглавитель "Континента"!

Максимов надменно глумится над "покойной старушкой" (sic!) Агатой Кристи. Не зря ли? Она была мастером в своем жанре; и мировая известность даром не дается. Ей он навязчиво противопоставляет довольно-таки ничтожные, хотя и безбожно раздутые величины, как С. Белоу, К. Воннегут и даже порнограф А. Миллер; которых если публика не приемлет, то, право же, и разумно делает.

"Время и Мы" № 106. Любопытны размышления Л. Наврозова в эссе "Где так вольно дышит человек" о причинах **преуспевания** Пастернака в 20-х гг: "Потому что самой страшной крамолрой в начале 20-х гг. был любой положительный намек на реставрацию монархии и, следовательно, любой положительный намек на христианского Бога. Недаром даже сама орфография была изменена, и христианского Бога было отныне запрещено писать с заглавной буквы. Поэзия Пастернака была "модернистской", "авангардистской", как бы даже языческой и, следовательно, не христианской, не российской и как бы даже не русской, а потому лишь означавшей, что в "новом мире" — новый Ренессанс, расцвет новой культуры, новая эра человечества".

В очерке "12 встреч с Ахматовой", в целом не особенно интересном, Н. Готхарт воспроизводит следующие ее слова, которые могут до известной степени служить ответом Кленовскому, а еще больше Шнеерсон (см. выше): "Мне говорят, что я писала о Сталине. Мандельштам тоже писал. Ну, что делаешь... Был террор".

"Страна и мир" №№ 5 (53) и 6 (54). Журнал был противным, потом скучным; теперь он становится... страшным. В нем бурлит и клокочет сжигающая ненависть к России и русским, нечеловеческая, поистине сатанинская. Никакого сравнения с тупыми, наукообразными поклепами национал-социалистических немцев или с идиотской мазней американцев про неполноценность будто бы русских людей, в силу того, что в детстве их пеленают. Здесь — каждое слово полно

яду, каждая фраза устремлена оскорбить наш народ, втоптать в грязь его чувства, верования, традиции.

Наряду с отвращением к авторам этих строк, испытываешь... жалость. Несчастные люди! Они не сознают, что разрушают, в первую очередь, свою же душу... Накаленная злоба взрывает и разъедает изнутри их самих, подобно тому, как крепкая кислота действует на стенки содержащего ее сосуда. Не добро человеку ненавидеть себе подобных, тем более еще — целые народы огулом.

Опыт показывает, что данный тип фанатиков, закигавших некогда костры религиозных преследований, организовывавших концлагеря нашего века, служивших в должности палачей, извлекая из своей работы садистические наслаждения, почти всегда кончают тяжелыми нервными или психическими заболеваниями, быстро теряя вкус и способности для всех нормальных радостей жизни. Что же, оставим их уготованной им участи — помочь им все равно нельзя.

Пару слов, однако, об их домыслах. Ю. Карабчиевский возводит Н. Эйдельмана в ранг национального героя за его провокационное письмо В. Астафьеву. Курьезно, что он считает нужным все время подчеркивать, что Астафьев — старик, инвалид, разбитый различными недугами, тогда как Эйдельман, наоборот, молод, энергичен и полон сил. Неисповедимы пути Господни! Эйдельман тем временем умер, а Астафьев и ныне здравствует (и пожелаем ему долгих лет на благо русской литературе!).

Остановимся и на другом пункте. Карабчиевский глумится над выражаемой Астафьевым надеждой, что со временем появятся подлинно русские пушкинисты и лермонтоведы, делая вид, будто не понимает, о чем идет речь. Поясним ему, очистив спор от этнической шелухи, на которую он нажимает. Нынешнее литературоведение в СССР до предела засорено вульгарным социологизмом; от коего и надо науку о литературе освободить, дабы она стала истинно национальной. Опять же, ни для кого не секрет (и много раз констатировалось в печати), что большевики отбросили на задворки, выгнали за границу или уничтожили русскую интеллигенцию, отказавшуюся (кроме отдельных субъектов) им служить; и заменили ее еврейской, легче поддававшейся выполнению их требований. Превращать данную ситуацию в абсолютное правило есть, конечно, глупость (можно назвать немало честных евреев-литературоведов и бесчестных русских). Но зерно правды тут налицо.

Г. Померанц в статье с вызывающим заглавием "Национальное достоинство или националистическая опухоль" так издевается над Шафаревичем: "Мир для И. Р. Шафаревича

разделен на черное и белое. Белое — это ностальгический образ царской России, сложившийся, может быть, еще в детстве. Черное — это разрушители белого царства, которых с детства возненавидел неугасимой ненавистью — и так на всю жизнь". Заметим от себя, что схема взглядов, приписываемая тут Шафаревичу, вовсе не плоха и вполне защитима; и что ее, во всяком случае, разделяет множество подсоветских. С другой стороны, моральный релятивизм, постулируемый Померанцем (нет ни плохого, ни хорошего; все относительно), на деле бесплоден и гибелен, тяготея к отмене всех религиозных и нравственных правил и запретов; а легко убедиться, что без оных мир превращается в ад.

Однако сам-то Померанц отнюдь релятивизма не придерживается! Для него, еще больше, чем для Шафаревича, мир делится на черное и белое. **Черное** — это Россия, христианство и, конечно, монархия; а белое... ну, белое, это есть нечто розовое.

Э. Маркштайн беснуется по поводу слов В. Распутина: "Я горжусь, что родился русским". Пусть себе; мы под его словами подписываемся целиком — на страх врагам!

Не ограничиваясь неприязнью к русским, журнал старается раздувать ссоры между народами нашей империи: между абхазами и грузинами, армянами и азербайджанцами и т. п., публикуя их полемические, направленные друг против друга высказывания, взаимные обвинения и поношения. Скверное дело — пожелаем ему неудачи!

Любопытны конфликты, возникающие у журнала с сотрудниками. В статью Е. Даниелян "Так живу" редакция вставила от себя целые фразы (например: "Конечно, перестройка и гласность — благо") и на возражения автора оправдывается тем, что ее, мол, редакции, мысли — очень хорошие и правильные. Возможно, оно и так; но вписывать их вопреки воле автора, который с ними не согласен, все же бы не следовало!

В пространной статье "Спид" Р. Зюсгют деловито дает советы, как практиковать различные эротические извращения, избегая опасности получить болезнь эйдс (на советском языке *спид*). Нам ее рецепты без надобности; может статься, для той публики, для которой предназначены "Страна и Мир", они вполне актуальны.

Журнал очень оптимистически оценивает события в Восточной Европе. Не преждевременно ли?

Бросается в глаза ряд статей, отражающих смятение в душах правоверных большевиков и преданных им людей, которые видят крушение своих прежних идеалов и не знают, чем их заменить. Этой трагедии, однако, не существует в Советском Союзе

для тех (а их главная масса...), кто в марксизм и ленинизм никогда не верили, а оставались преданы старым идеалам России, — каковые сейчас воскресают или, вернее, вновь получают публичное признание.

Но для редакции "Страны и Мира" и для основного кадра ее сотрудников наши ценности, все то, что мы любим и во что верим, просто не существуют; они о православии, русском патриотизме, монархизме, если и говорят, то с ненавистью и едкой насмешкой.

Типичен здесь Ю. Воздвиженский, начинающий с нападок на Шафаревича и переходящий затем к лобовой атаке против Солженицына в защиту А. Синявского. Умышленно или неумышленно, он все путает, приписывая Солженицыну "начало кампании против "Прогулук с Пушкиным"". От статьи Р. Гуля, задолго до Солженицына, Воздвиженский презрительно отмахивается как от "литературного недоразумения"; мол, "писатель старого закала" ничего не сумел понять и разобрать. В действительности же десятки эмигрантских журналистов и критиков выразили одновременно с Гулем или еще до него свой протест против непристойных кривляний Абрама Терца по адресу Пушкина (в том числе и автор данных строк). Александр Исаевич в статье "Колеблют твой треножник" в сущности только подвел итог общему мнению русского Зарубежья, за что следует быть ему весьма признательными.

Не удивительно, что Е. Гессен здесь же восхищается "другой прозой" в СССР, в частности Л. Петрушевской, любезной страноимирской критикессе тем, что проявляет острый интерес к "материально-телесному низу". Каждому свое; нас так от "монологов, произносимых взахлеб", данной писательницы определенно тошнит. Отметим мимоходом, что (вопреки Гессен) предполагаемая настоящая фамилия подсоветского изобретателя Кондратюка была Шамрай, а не Шаргей. Думаем, что "другая проза" есть явление тупиковое, никуда не ведущее и никакой перспективы не имеющее. Подлинные пути русской литературы пролегают совсем в ином направлении.

Г. Нилов, видимо, склонен считать, что покушения Ф. Каплан и Л. Каннегиссера были выдумкою чекистов. Достойно ли отнимать заслугу у людей, отдавших жизнь в борьбе с большевизмом (каковы бы ни были их политические воззрения)?

С в высшей степени противным псевдоанглийским акцентом, свойственным более серой части образованцев 3-й волны, "Страна и Мир" транскрибирует испанские и итальянские фамилии на свой лад: Ридондо вместо Редондо, Ачилле Очетто вместо Акилле Окетто и так далее. Горбатого могила исправит!

"Русская Мысль". Газета теперь проявляет свое косноязычие в новой сфере, уродуя румынские имена: Бужор превращается в Буйора, Параскива в Парашиву, етс. Умеет ли "Русская Мысль", которую бы уместнее назвать "Антирусское Недомыслие", хоть на каком-то одном языке выражаться грамотно?

По части руссофобии парижский еженедельник ни от кого не отстает. Специально омерзительна статья некоего Д. Сильвестрова, вызывающе залихватское название которой говорит само за себя: "Несколько — хотелось бы последних — слов о "русской идее"". Ну, вряд ли последних, — если не со стороны Сильвестрова, каковой, ясно, может и замолчать (и мы бы ему очень советовали!), то со стороны других. Русская нация еще жива и даже умирать не собирается. Наоборот, она пробуждается, откинув марксистские дурманы и деревянный язык проклятой эпохи культа личности. У нее весьма даже найдется, что сказать миру.

Что до логики и аргументов г-на Сильвестрова, — перед нами сплошное убожество. Истериические ругательства по адресу Державина за то, что тот мирился с наличием крепостного права. Так, помилуйте, в Америке тогда (и много позже, как факт, дольше, чем у нас) процветало неизмеримо более жестокое рабство негров! И не вовсе зря Пушкин указывал, что положение фабричного работника в Англии являлось более тяжелым, чем таковое русского крестьянина.

Случилось мне беседовать однажды с пожилым подсоветским рабочим, удравшим из СССР. Он в молодости видел дряхлую старушку, по опыту знавшую крепостные порядки. И та на его вопросы отозвалась так: "И, милый! Это теперь — крепостное право; а то... то был рай". Сдается, многие колхозники примерно так и мыслят.

Да потом: крепостное право давным давно-таки царское правительство отменило. И вряд ли в нем заключается или к нему сводится "русская идея". Даже иностранцы подобных глупостей не изрекают. Тем более стыдно газете на русском языке! А в ней, к сожалению, эдаких перлов уйма...

"Грани" № 155. Повесть Л. Бородина "Женщина и море" слабее прежних. Слишком избыточны философские и политические рассуждения, — притом же, сомнительные. Сожаления что он потратил свою жизнь на борьбу с режимом, по человечеству понятны, но симпатии не вызывают. Есть и авантюрный сюжет; и он странным образом напоминает повесть Л. Ржевского "Две строчки времени", опубликованную некогда в тех же "Гранях" (№ 100). Остро чувствующий, что начинает стареть, мужчина встречается со смазливой, но абсолютно аморальной девушкой и не в силах устоять перед ее чарами. Бывают

такие наваждения, но некоторое испытываешь отталкивание, читая о них: как можно любить человека, внутренне глубоко отвратительного? Чисто физическое влечение? Но и то как-то представляется не вполне правдоподобным... Что до размышлений о смене поколений, о новых веяниях, — уместны ли они тут? Право, далеко не вся Россия состоит из развратных спекулянтов (того или иного пола), и, безусловно, не вся молодежь живет одною жадой наслаждений, в полном отрыве от нравственных и вообще высших ценностей!

Стихи Ю. Кублановского и Л. Владимировой вполне доброкачественны.

! Конечно, больше и намного. Еще Курганов в 50-х гг. насчитал 66 миллионов, а теперь в СССР одних погибших крестьян во время коллективизации насчитывают 22 миллиона. Непонятно, откуда В. Запецкий берет свою жестко заниженную цифру. (Редакция).

И. ОГУРЦОВ

ПРОСВЕЩЕННЫЙ ПАТРИОТИЗМ¹

(Беседу вел Глеб Анищенко. Печатается с некоторыми сокращениями)

Г. А.: Я очень рад встретиться с Вами, Игорь Вячеславович. Хотя, конечно, более радостной была бы встреча в Питере или в Москве, а не в Мюнхене. Но, увы...

И. О.: Что делать... Будем беседовать, где Бог свел. Я еще два года назад впервые прочел журнал "Выбор". Правда, я видел не все номера, но то, что удалось прочесть, производило очень хорошее впечатление.

Г. А.: Многим людям у нас в стране Ваше имя и судьба, конечно, хорошо известны. Но это, в основном, люди среднего возраста. Более молодые, к сожалению, очень плохо знают нашу историю, даже совсем недавнюю. Поэтому я хотел бы начать беседу с того, чтобы Вы немного рассказали о себе.

И. О.: Ну, моя история — это история возникновения социально-христианского движения у нас в стране 30 лет назад. Тогда формировались все три основные оппозиционные направления: "истинно"-марксистское движение, представленное группами Ронкина, Краснопевцева, еще рядом групп; либерально-демократическое, которое начиналось с организации ДДС, основанной Сергеем Солдатовым; и, наконец, социал-христианское, к которому принадлежу я. Оно было представлено Всероссийским социал-христианским союзом освобождения народа (ВСХСОН). Все эти движения выросли из сравнительно небольших конспиративных групп. Поэтому информация о них была крайне незначительной даже тогда, когда КГБ нанесло удары по этим группам. Хотя какие-то сведения все-таки просачивались через "Хронику текущих событий", через журнал "Вече" Вла-

димира Осипова и др. источники. Так вот, наше поколение начало борьбу 30 лет назад и во многом подготовило те изменения, которые происходят в стране сейчас. Предпосылкой нынешних процессов является не только то, что верхний эшелон партии и государства осознал критическое положение страны. Это очень важная предпосылка для изменений, но не определяющая. Главным фактором, подготовившим почву для изменений, явилась та тридцатилетняя, и положи руку на сердце, скажу: героическая борьба, которую вела передовая часть моего поколения. На суде, стоя перед угрозой расстрела, я сказал: "А все-таки наше поколение изменит ситуацию в стране". Тогда над нами смеялись, но, как мы видим, именно это происходит сейчас. Даже главные перестройщики, нынешние 50-летние руководители страны, принадлежат к нашему поколению.

Обстоятельный очерк В. Запецкого "Колпашевский яр" описывает обнаруженное в Сибири захоронение жертв НКВД в несколько сот человек, включая женщин и детей. Таких, как он и уточняет, по лицу СССР еще целая бездна... "Кто возьмет на себя смелость утверждать, — восклицает автор, — что эсэсовский газ "Циклон Б" был пределом изуверства? Чем лучше та нравственная отравка, которой нас заставили дышать берии, молотовы, ворошиловы, ждановы и прочие нелюди?" И грустно подсчитывает, что советский строй стоил России скорее всего около 25 миллионов жизней (если не больше...)*

Г. А.: Расскажите несколько подробнее о группе ВСХСОН.

И. О.: ВСХСОН был создан в 1962 году, хотя программа была принята в 1964-ом. Группа просуществовала в подполье около пяти лет, это исключительно много по тем временам. В 67-ом году группы из ряда городов были арестованы: 21 человек был осужден, а всего в качестве членов и кандидатов по делу прошло более ста человек. Следствие длилось целый год. Органы КГБ вели его так, чтобы главных руководителей и особенно меня подвести под расстрел. Они внушали это нам систематически, и статья 64 пункт "а" давала такую возможность.

Г. А.: Расскажите несколько подробнее о группе ВСХСОН.

И. О.: ВСХСОН был создан в 1962 году, хотя программа была принята в 1964-ом. Группа просуществовала в подполье около пяти лет, это исключительно много по тем временам. В 67-ом году группы из ряда городов были арестованы: 21 человек был осужден, а всего в качестве членов и кандидатов по делу прошло более ста человек. Следствие длилось целый год. Органы КГБ вели его так, чтобы главных руководителей и особенно меня подвести под расстрел. Они внушали это нам систематически, и статья 64 пункт "а" давала такую возможность.

Однако в конце концов власти не решились на эту меру. С одной стороны, кое-что, в общих чертах, о нас было уже известно на Западе, хотя организация и была строго конспиративной. Определенная часть мировой общественности уже начала выступать в нашу защиту. Но главную роль, на мой взгляд, сыграло другое обстоятельство. Брежнев и его команда, захватившие власть после незаконного свержения Хрущева, чувствовали себя еще недостаточно прочно и поэтому не решились расстрелять молодежь: всем нам было менее тридцати. Хотя ностальгия по тем временам, когда это можно было делать весьма легко, просматривалась достаточно четко. Я прекрасно помню выражение лиц и фразы, которые бросали работники КГБ, проводившие следствие.

Нашей группе было предъявлено обвинение в попытке захватить власть. Вещь совершенно дикая, абсурдная: мы не могли в тот период ставить такие цели, у нас не было даже одной сотой сил для этого. Подобный приговор отражал панику властей. Кроме того, статья, предъявленная нам, полагалась Брежневу и компании: именно они совершили государственный переворот против Хрущева. Но победителей не судят, и они, так сказать, переадресовали свое преступление нам: заговор с целью захвата власти. На суде мы категорически отвергли это обвинение. Автоматически оно означало и измену Родине, такова была шапка статьи.

Надо сказать, что во время этого тяжелейшего следствия, когда людям угрожала не только потеря свободы, но и потеря жизни, многие (хотя и не все, конечно) сумели выстоять, выдержать испытание с честью. В нашей организации вообще было очень много достойных людей. Я не могу, конечно, всех их перечислить, но некоторые имена мне все-таки хотелось бы назвать. Это Михаил Садо, сейчас он преподает в Ленинградской Духовной Академии; Вячеслав Платонов, надежда нашей эфиопистики; Леонид Бородин, писатель, который сейчас стал известным и на Западе, и в России. Был и целый ряд других людей, которые вели себя достойно при том тягчайшем испытании, которое выпало на нашу долю в 67 году.

Г. А.: Извините, пожалуйста, Игорь Вячеславович. Вы сказали, что у ВСХСОН не было сил для захвата власти. Причина состояла только в этом, или вы были принципиальными противниками насильственных действий?

И. О.: Это очень важный вопрос, по которому, мне кажется, все еще нет ясности. Следует определенно различать понятия "насилия" и "силы". Насилие есть злая сила, преступление, оно преследует всегда извращенные цели, естественно, что оно никогда

не может быть признано моральным сознанием, ему необходимо противостоять. Не противостоять злу, насилию — значит потворствовать ему. Поэтому нельзя быть против силой, которая противостоит преступлению. Тоталитарная система и системы тоталитарного типа представляют собой самый яркий в истории образец тотального насилия над сущностью человека, над его "святой святых", в перспективе они жаждали распространить это насилие на все человечество. И нравственный долг каждого и всех, отдельного человека и целых народов призывал к сопротивлению этому насилию.

Программа ВСХСОН делала вывод, что в тот период партийная бюрократия добровольно ни в коем случае и ни под каким видом не отдавала бы власть. Это было для нас тогда аксиомой. Мы видели, что попытки ввести даже небольшие изменения в социалистических странах мирным путем всегда подавлялись танками. Причем под применением силы мы подразумевали не обязательно боевые действия, а хотя бы просто определенную позицию армии. Но и это было лишь теоретическим выводом.

Мы ни в коей мере не замахивались на подобные задачи, хотя бы уж потому, что они нам были не по плечу. Поэтому, повторяю, приговор отражал лишь растерянность власти. Показательно, что Брежнев и Косыгин боялись тогда даже лететь в Ленинград на 50-летие революции.

Несмотря на юридическую абсурдность такого приговора и на его абсурдность с точки зрения здравого смысла, нас продержали в заключении и в ссылке до самого конца. Я, например, не вышел на свободу ни на секунду раньше 20-ти лет. Хотя тогда уже, при Горбачеве, за год до окончания моей ссылки люди стали выходить из лагерей.

Г. А.: Когда Вы освободились?

И. О.: В феврале '87-го года, и через 9 месяцев я уехал на Запад, потому что я не получал ни прописки в родном городе, где жили мои старые родители, ни работы. Мне практически оставалось лишь возвратиться в ссылку. Причем я понимал: я не смогу делать в стране даже того, что делали другие. Мою деятельность обязательно рассматривали бы сквозь призму этого абсурдного приговора. Я не видел другого выхода, кроме эмиграции. Политическое убежище на Западе было предоставлено мне очень быстро.

Г. А.: Какая страна его предоставила?

И. О.: Германия, хотя выехали мы по американским документам. Я имел почетное гражданство во Франции, и меня тоже там ждали, но так получилось, что ехали мы по документам американским.

Г. А.: Официально выезд был в США?

И. О.: Нет, официально числился Израиль.

Эту страну вставили в документы совершенно незаконно: у нас не было израильских вызовов, не было там родственников. Власти преследовали лишь одну цель — незаконно лишить нас советских паспортов. Мы просили ОВИР предоставить нам выезд по французской визе на год без лишения гражданства. Но гражданства были лишены даже мои отец и мать, у которых перед страной немалые заслуги. Сейчас мы попытаемся оспорить это решение, поскольку я считаю, что есть некоторые признаки восстановления законности: для меня реакция властей в какой-то мере будет лакмусовой бумажкой, проверкой искренности намерений.

Г. А.: Поскольку Вы упомянули о ситуации, сложившейся в стране, может быть, к ней мы и обратимся? Несомненно, что страна находится в тягчайшем кризисе: нравственном, политическом, экономическом. Видите ли Вы какие-то пути выхода?

И. О.: Вы правы, речь идет о тотальном кризисе. Это обстоятельство совпадает с тем, что потенции системы уже исчерпаны. Сочетание двух данных факторов определяет исключительность нашего положения. Исчерпаны, если можно так выразиться, даже негативные возможности системы, то есть террор и демагогия. Такого положения не было в периоды других "перестроек": скажем, нэповской или хрущевской. Тогда система имела еще некоторые потенции, могла манипулировать, попробовать стабилизироваться с помощью каких-то временных уступок, маневров, "перестроек". Сейчас такой возможности нет.

Это понимает оппозиция, хотя она еще не оформлена и слаба. Но это должно понять и руководство страны, и мыслящая часть правящего класса. Мы подошли к той точке, когда необходимо сделать недвусмысленный выбор: или система, или страна. Промежуточного решения не существует. Если кто-то хочет выбрать систему, чтобы сохранить свои привилегии, то он должен ясно представлять, что системы без страны, в конечном счете, не может быть. Седло без лошади бесполезно.

Совершенно очевидно, что половинчатыми изменениями сейчас ограничиться нельзя, это ведет к еще большему хаосу. Остановить сани на середине горы — означает перевернуться. Мы должны идти вперед до тех пор, пока страна не обретет устойчивого равновесия, при котором она может идти ввысь. Пока мы до этой точки не дошли, мы не имеем права даже подумать о том, чтобы остановиться на пути перемен.

Трагедия "перестройки" состоит, на мой взгляд, в том, что она по понятным причинам развивается медленно, противоречиво, не до конца и не комплексно. Поэтому "пере-

стройка" в ее нынешнем виде не только не может спасти страну, но все перечисленные факторы порождают еще больший хаос. Сейчас на первое место, даже в сравнении с экономической ситуацией, выходит опасность государственного развала. Общественные силы национальных республик по многим причинам, которых я сейчас не буду касаться, организуются достаточно быстро, в то время как центр организационно отстает. Причем в обстановке социально-экономического развала в республиках верх берут сепаратистские тенденции. Назревает опасное нарушение стабильности. Мы сейчас прямо идем к введению военного положения в стране, и оно, безусловно, будет введено². Ни командой "перестройки", ни ее противниками в партии развал государства сейчас допущен не будет, на это система пока имеет силы. Но надо сказать, что введение военного положения тоже чревато для страны колоссальной опасностью. Поскольку положительной программы у антиперестроечного крыла нет, то развал будет продолжаться теми же или еще более быстрыми темпами. Причем надо отметить, что введение военного положения в СССР приведет к дестабилизации обстановки во всем мире. Подавление у нас общественных мысли и независимых общественных организаций автоматически повлечет за собой стремление к подавлению свободы в Восточной Европе. А там это сегодня уже вызовет сопротивление. Так что последствия непредсказуемы.

Из всего, что я говорил, вытекает вывод, что "перестройка" нуждается сейчас во "втором дыхании". А кто мог бы придать ей это "второе дыхание"? Никто, кроме восстановленного гражданского общества. Поэтому главная задача состоит в том, чтобы воссоздать это общество, уничтоженное тоталитаризмом. Надо отдавать себе отчет: начинать нам приходится на выжженной земле. Ситуация в России разительно отличается от тех, которые сложились в странах Восточной Европы и даже в Прибалтике. Общественные силы там быстрее организуются, и они имеют больше шансов избежать тех опасностей, перед которыми стоим мы. Тем не менее, только быстрое воссоздание и организация общественных сил могут стать, с одной стороны, гарантом необратимости изменений, происходящих в стране, а с другой — могут перевести эти изменения в качественно иное, более радикальное русло.

Я хочу немного остановиться на проблеме воссоздания гражданского общества. Если этот процесс будет идти по наметившемуся сейчас пути создания сотен мелких партий, которые, естественно, не смогут иметь никакого веса и значения и в борьбе друг с другом станут истощать свои и без того

мизерные силы, то мы страну не спасем. Нам совершенно необходима единая платформа, которая объединила бы все здоровые силы. В момент тотального кризиса нужна тотальная перегруппировка общественных сил для того, чтобы разработать и воплотить в жизнь новую государственную доктрину, новую политическую и экономическую систему, органичную для нашей страны и ее народов. Здесь совершенно неприемлемы как попытки найти компромисс между старым и новым, так и стремление надеть на себя кафтан с чужого плеча. Наши либералы, например, часто предлагают просто скопировать систему какой-либо западной страны. Но давайте действительно видеть Запад таким, каков он есть. Если предложить англичанину и швейцарцу поменяться формами государственного правления, то они этого не воспримут даже в качестве хорошей шутки. Парламентская монархия в Швейцарии или кантональная система в Великобритании — полный абсурд. Почему же именно у России не должно быть государственной системы, органичной для этой страны? Такую же ошибку совершают иногда и западные политики. Некоторые из них думают, что если Россия скопирует какие-то политические формы Запада, то она в силу этого автоматически станет Западу другом. Но ведь эти вещи не взаимосвязаны. Я полагаю, что, наоборот, если в России удастся создать свой тип государственности (естественно, с учетом западного опыта), то именно тогда наша страна сможет легко и достойно войти в семью свободных стран и народов.

Конечно, свобода политических организаций есть условие, совершенно необходимое в нынешней ситуации, но недостаточное. Партии могут и должны существовать, но уверен, что не они спасут страну. Повторяю, что нам нужен единый фронт всех конструктивных сил. Сюда должна быть включена и здоровая часть нынешнего советского истеблишмента. Партия искусственно вобрала в себя 20 миллионов человек, там значительный процент активных сил народа. В КПСС далеко не всегда вступали по идейным соображениям, туда почти автоматически попадали руководители всех рангов и во всех областях. Мы не должны сбрасывать со счета этих людей.

Я очень рекомендовал бы КПСС переменить свое название. На первый взгляд, такое решение кажется чисто внешним, но мне оно видится как очень глубокое в психологическом отношении. Тем более что и прецедентов много, партия неоднократно меняла название: РСДРП, ВКП(б), КПСС. Сейчас, когда говорится совершенно официально о революции в общественных отношениях, переименование было бы совершенно естественным. Это дало бы очень много: сняло бы ту психо-

логическую напряженность, которая сейчас так мешает. У определенной части членов партии есть опасения в отношении ответственности за прошлое, и они не столько держатся за привилегии, сколько боятся личных осложнений в случае политических перемен. Это создает патовую ситуацию в стране, ситуацию противостояния. Надо это противостояние снять сначала психологически. Тогда легко будет произвести ту перегруппировку сил, о которой я ранее говорил.

Г. А.: Вы считаете, что сейчас необходимы не отдельные партии, а единый общенациональный фронт. Однако Вы были одним из организаторов Христианско-патриотического союза, группы в общем-то небольшой и пока не очень влиятельной. Нет ли тут противоречия?

И. О.: Христианско-патриотический союз, созданный в декабре 1988 года³, ваша группа, существующая вокруг журнала "Выбор", и другие подобные объединения представляют собой спектр социально-христианского движения. Я говорю "социально-христианского", потому что это все не собственно церковные, а общественные силы, стоящие на позициях возрождения христианских ценностей и рассматривающие необходимые перемены в культурной, политической и социально-экономической областях именно в свете восстановления этих ценностей. Несомненно, что Россия не сможет существовать, не питаясь из того живоносного источника, который стремились затоптать все эти 70 лет, — Русского Православия. Сейчас христианские силы могли бы быть очень весомыми и значительными, если бы они сумели объединиться и выступить с общей конструктивной платформой.

Но я думаю, что при нынешнем состоянии умов в стране даже этого было бы недостаточно. Нам совершенно необходим союз и с определенной частью широкого демократического движения, и, как я уже говорил, с частью советского истеблишмента. Однако условием для такого союза должна являться патриотическая платформа.

Говоря о патриотизме, я исключаю из этого понятия шовинизм и узкий национализм, то национальное сектантство, которое представляют собой некоторые течения и в России, и в эмиграции. Такое сектантство для нас — смерть, буквально смертный приговор. Я не хочу тут делать скидок, ибо опасность действительно огромна. Вернее, она была бы огромной, если бы подобные настроения приобрели большой размах. Но я все-таки думаю, что большого масштаба узкий национализм у нас достигнуть не может. Потолок у таких сект весьма низок. Они могут быть в какой-то момент крикливыми, шумливыми, но дальше определенного предела развиваться не сумеют. Это не харак-

терно для России. Хотя и обольщаться здесь не стоит, об опасности всегда необходимо помнить.

Стране, конечно, нужен не казенный патриотизм — он изжит, и никакими усилиями его не возродить. Патриотизм может восстановиться лишь спонтанно, исходя из души народов. Причем я говорю о патриотизме, понимаемом очень широко. Включаю сюда не только национальное чувство, но и искреннее чувство братства, причастности к целому, ко всей нашей стране. Но этот общий патриотизм может формироваться лишь на основе возрождения национального самосознания всех народов, входящих в СССР. Они все были подавляемы, хотя часто делают акцент на том, что не все народы угнетались в равной мере. Но это уже другой вопрос, это историческая судьба: кого боялись слишком сильно подавлять, кого не боялись, кто получил первый удар, кто второй. Но от коммунистической диктатуры пострадали все, и все должны получить возможность восстановить свою культуру и самосознание.

Г. А.: Игорь Вячеславович, как Вы решаете для себя остро стоящий сейчас вопрос о самоопределении народов, входящих в состав СССР?

И. О.: Россия ни в коем случае не должна силой удерживать какие-либо народы или республики. Я стою на позиции свободного самоопределения народов. Другое дело, что во время таких крупных изменений, которые происходят сейчас у нас, действует тот же закон, что и на войне: правильные сами по себе шаги, но совершенные в неправильной последовательности, представляют смертельную опасность. Свободный референдум для решения вопроса о государственном бытии того или иного народа можно провести и получить положительные результаты только в обстановке свободы и мира. Попытки прямо сегодня, наспех решить эти проблемы лишь побудят власти ввести военное положение, положить конец развитию тех благотворных процессов, которые для всех нас так ценны. Этого нельзя допустить, потому что именно нынешняя ситуация дает время и создает условия для формирования гражданского общества как в России, так и в республиках.

Сейчас часто приходится слышать о возможности гражданской войны в СССР. Я это и теоретически, и практически исключаю. Тоталитарная система может производить впечатление огромной силы, принимать вид сверхгосударства. Но, когда такая система исчерпывает свои потенции, и если она не успела смертельно изнурить свою жертву, она падает сама, почти без применения силы и уж, конечно, без гражданской войны.

Даже какой-нибудь Сомоса может вести хоть и бесперспективную, но относительно упорную гражданскую войну. Тоталитарный режим этого не может. Дело в том, что нет ни одного крупного общественного класса, который связывал бы свои жизненные интересы с существованием данной системы. (Я не имею в виду правящую группу, хотя бы она и насчитывала несколько миллионов: этого совершенно недостаточно.) Но такого класса при тоталитаризме существовать не может. Поэтому организовать сопротивление в форме гражданской войны номенклатура, даже если бы она и захотела, никогда не сможет. Тоталитарные режимы падают быстро и без всякого серьезного сопротивления, когда их час пробил.

Я несколько уклонился от национальной проблематики и теперь к ней возвращаюсь. Кажется ясно, что у нас гражданской войны быть не может. Однако России, в какой-то степени Югославии и другим многонациональным странам в **обстановке длительного развала** грозит столкновение с иной угрозой — с межнациональной борьбой, которая может перерасти и в войну. Мы видим, что даже сегодня, когда старая система еще существует, уж льется кровь, и не в таких уж малых размерах. Это является для нас грозным предупреждением, указанием на то, что случится, если страна не сумеет быстро и решительно обновиться. В кровавой же бойне не выиграет ни один народ, будут одни проигравшие.

Г. А.: Если я Вас правильно понял, то из всего сказанного вытекает, что нормальное решение национальных проблем не может быть частным, оно не может опередить общеполитических и идеологических изменений?

И. О.: Да, совершенно верно. У нас сегодня хорошо поняли лишь часть этой аксиомы. Осознано, что нельзя провести экономическую реформу, не проводя параллельно политическую. Если вся власть находится в руках противников экономической реформы, то они не дадут ей реализоваться, и сама система органически отторгнет ее, как организм отторгает пересаженное чужое сердце. Так получилось с реформами Хрущева, Косыгина, нечто подобное происходит и сейчас. Все дело в том, что, даже дополнив экономическую реформу политической, невозможно ничего изменить, оставив в неприкосновенности сферу идеологическую. Нельзя влить молодое вино в старые меха. Таким образом, изменения во всех трех основных сферах человеческой жизнедеятельности — духовной, гражданско-политической и хозяйственной — нужно проводить не то что совместно, но, я бы сказал, синхронно. Любой разнбой здесь

губителен.

Г. А.: Мы уже касались немного Ваших взглядов на возможное политическое устройство нашего общества. Я хотел бы, чтобы Вы остановились на этом несколько подробнее.

И. О.: Я считаю, что наше спасение на путях построения *правового надпартийного социального государства*.

Правовое общество есть уже общество демократическое. Тут следует, по-видимому, уточнить понятие "демократия", поскольку его употребляют сейчас в разных смыслах. Демократия, прежде всего, предполагает, что государство служит общественным интересам и не может подавлять человека, делать из него "винтик". Отсюда вытекает, в частности, сужение сферы государственного вмешательства. Государство должно быть достаточно мощным, чтобы выполнять свои специфические функции, но вместе с тем оно должно уйти из тех областей, где вполне достаточно приложения личных и общественных сил. Необходимо разделение власти: законодательной, исполнительной и судебной. И, конечно, демократия немыслима без твердой правовой основы. В свое время французский правовед средних веков Жан Боден очень удачно сказал: "Для меня и монархия является республикой, если она основана на праве, но и республика есть тирания, если в основе ее лежит беззаконие". Главная ценность в истинно демократическом государстве — это человеческая личность с ее правами, вытекающими из самой человеческой природы, в средние века они назывались божественными правами, а позднее — естественными. Эти права не могут быть отняты ни при каких условиях.

Теперь — о понятии "надпартийное государство". Не имеется в виду, что партии должны быть запрещены. Я уже говорил, что свобода политических организаций должна быть гарантирована, это вне всякого сомнения. Но конституирование государства должно быть все-таки сверхпартийным. Государство не может быть призом для сотни соперничающих партий. Однако мы считаем...

Г. А.: Извините, пожалуйста, я Вас перебыю: "мы" — это Христианско-патриотический союз?

И. О.: Я имею в виду сегодняшних наших единомышленников, но в общем такова была и программа ВСХСОН. Хотя, конечно, сегодня в старые программы должны быть внесены коррективы. С одной стороны, изменилась ситуация в стране, а с другой — прежние программы создавались в условиях подполья, нынешние же организации легализованы де-факто, а в ближайшем будущем, надеюсь, будут зарегистрированы и де-юре.

Сознавая в общих чертах то, что могло

бы быть для нас оптимальным, мы все-таки не должны сейчас принимать окончательных решений. Тем более что настаивание на определенной форме государственного правления породило бы сейчас ненужные споры между людьми и группами, сходящимися во всем остальном.

И последнее определение, которое я давал государству, это — социальное. Не социалистическое, а именно социальное. Слово социализм звучит сейчас двусмысленно. Конечно есть, например, христианский социализм, что для нас было бы вполне приемлемо⁴. Христианство вносит то самое человеческое лицо, которого нет в марксистском социализме. О словах не стоило бы и спорить.

Г. А.: Я думаю, что в данном случае все-таки имело бы смысл и поспорить. Дело в том, что слово "социализм" не просто скомпрометировано, оно ведь использовалось не только в неверном смысле, но и для сознательной подмены одного понятия другим. Античеловеческие коммунистические идеалы последовательно назывались словом "социализм", которое на Западе связывается с в общем-то вполне безобидными вещами: перераспределением доходов с помощью налогов и другими подобными мерами. Таким образом, эта словесная подмена способствовала распространению по всему миру коммунистических идей.

И. О.: Совершенно верно. Именно поэтому полезно все-таки разобраться в некоторых основополагающих понятиях. Если мы хотим вытащить страну из пропасти, в которую она ведь не случайно попала, а к которой подводилась насильственно и вполне последовательно, то мы должны ясно осознать природу этой разверзшейся пропасти. Так вот, если попробовать докопаться до исходного научного смысла, то социализм, прежде всего, означает понимание человека как функции общества. Естественно, что для нас, христиан и, следовательно, персоналистов, порядок, основанный на таком понимании, не может быть приемлемым. Личность — реальность первого порядка, общество — тоже реальность, но второго порядка. Личность есть образ и подобие Божие, микрокосм. Личность есть все. Потенциальна она или уже актуализирована. Общество же — совокупность личностей, микрокосмов. Для подлинного общества отечественная философия выработала понятие "соборность" в противовес псевдоколлективизму. Но я, кажется, начал слишком углубляться в философию.

Г. А.: Вы говорили о научной дефиниции социализма.

И. О.: Да, в социализме человек как образ и подобие Божие исчезает. Человек становится почти экономической категорией,

вспомните определение Маркса: личность есть совокупность общественных отношений. Так и думали: измени эту совокупность — и личность изменится. При этом человек лишается своих божественных прав, творческих потенций, ответственности, фиктивными становятся категории нравственности и духовности. Естественно, что вся система, которая строится на таком понимании, является античеловеческой.

И еще одна черта социализма. Он означает экспроприацию народа. Под лозунгом обобществления средств производства при социализме неизменно происходит практически полное отчуждение народа от всех жизненных средств, такое отчуждение, которого не может быть ни при феодализме, ни при капитализме. Наши сегодняшние экономические развал и разруха имеют своим истоком именно эти идеологические установки. Экономическому угнетению и отчуждению соответствуют и гражданско-политическое отчуждение и угнетение.

Итак, отвергая социализм, мы считаем, что государство должно быть социальным, то есть выполнять определенную гуманную и регулирующую роль. В значительной степени это уже есть на Западе: Швеция, Германия, например, давно уже социализированные государства. Широкая сеть мер социального обеспечения, скажем, в ФРГ просто вызывает восхищение. Иногда Запад даже заходит слишком далеко, на наш взгляд, в социализации общества. Такое обобществление, которое достигнуто в Италии, во Франции, где чуть ли не пятьдесят процентов собственности в руках государства, нам кажется излишним, вредным. Достаточно было бы сохранить в собственности государства оборонную промышленность, некоторые вредные виды производства, пути сообщения общенационального значения, часть банковской системы и, возможно, те виды производства, которые не рентабельны для свободного капитала, но необходимы для общества.

Г. А.: То есть Вы предлагаете для России вариант западного пути развития?

И. О.: Нет, конечно. Мы, русские, часто замечаем лишь те изменения, которые происходят у нас на родине. Но ведь и Запад не есть что-то застывшее, он пребывает в постоянном развитии, в динамике. Россия уходит сейчас от классического социализма, а Запад — давно ушел от классического капитализма. Всем необходим третий путь. Его ищут не только в России, но и многие силы на Западе. Этот путь не есть простая смесь элементов капитализма с социализмом. Речь идет о принципиально новом направлении развития человечества. Конечно, каждый народ выйдет на этот путь по-разному. Но надо помнить, что есть проблемы, которые

носят глобальный характер, их нельзя решить регионально, в одной стране или в группе стран. И речь идет о проблемах, наиболее важных для человечества: о вопросах войны и мира, экологических, даже социально-экономических вопросах.

Но самое главное — это проблемы духовные. Сейчас совершенно очевидно, что Восточная Европа, включая сюда Советский Союз, сможет подняться только при возрождении духовности. И если это возрождение произойдет, то оно, несомненно, даст очень сильный духовный импульс Западу, что будет крайне важно для тех сил на Западе, которые стремятся сохранить очаги духовности, не дать им погаснуть в грубом материальном благоденствии.

Кстати, о материальном благоденствии Запада я говорю вовсе не пренебрежительно. Экономическая система здесь чрезвычайно эффективна, ни о каком "загнивании" не может быть и речи. Реальное изобилие, которое имеется на Западе, напоминает то, что обещали классики марксизма-ленинизма, рассуждая о коммунистическом рае. Конечно, и здесь есть свои социально-экономические проблемы. Но главные проблемы Запада — духовные.

И поэтому, как я уже говорил, взгляды многих обращаются на Восток. Я думаю, что и сегодня у нас есть маленькое преимущество перед Западом. Да простят меня те, кому набили оскомину бесконечные заявления о нашей исключительности. Но действительно, у нас есть колоссальный опыт изжитой эпохи духовного и физического геноцида. Эта эпоха изжита, но будущее России не определено. Снятая с голгофского креста, она может умереть, но может и воскреснуть. И это будет духовным чудом, которое отзовется во всем мире. Я говорю о России как о самом крупном примере среди всех социалистических стран. У нас классический тоталитаризм был доведен до возможного конца. Если и не был воплощен совершенный идеал, то только потому, что сама жизнь восстала. Так в зацементированном тюремном дворике с изумлением видишь иногда, как живая трава пробивается на свет. Вот сейчас трава вывернула цемент.

Г. А.: Поскольку мы заговорили о России и Западе, то, может быть, Вы немного расскажете о своей деятельности здесь?

И. О.: Сейчас в патристически настроенной части нашей эмиграции, которая сохранила духовные связи с родиной, чувствуется боль и тревога за ее судьбу в этот час, есть стремление быть со страной в эти решающие дни и оказать помощь позитивным переменам, способствовать возрождению общества. Подобные настроения постепенно стали выливаться в желание организоваться для более

эффективной работы. Я, по мере моих сил, пытаюсь способствовать самоорганизации этой части эмиграции, связать ее с христианскими, патриотическими, демократическими движениями в стране. Если это удастся, то будет выполнена задача очень большой важности. Я читал даже в официальной советской прессе, что есть идея создать Всемирный Русский Конгресс.

Г. А.: Он уже создан. По крайней мере, было первое заседание, в нем, в частности, принимали участие мы, издатели "Выбора". Не знаю, конечно, во что развернется эта идея.

И. О.: Это для меня приятная новость. Над подготовкой почвы для организации такого рода я и пытаюсь работать здесь на Западе. Скажем, сейчас есть проект: в противовес казенному движению породненных городов начать общественное движение породненных деревень. Я думаю, что эта инициатива очень важна, перспективна, даже в какой-то мере как предпосылка для общеевропейского сотрудничества. Крестьяне разных стран смогут быть в непосредственном контакте друг с другом, наше сельское население познакомится с опытом западных крестьян, который сейчас для нас бесценен. Этот проект привлекает и западных людей: уже есть адреса деревень в Германии, Италии, Франции, которые хотели бы включиться в это движение.

Кстати, я хочу, чтобы ваш журнал рассказал о таком уникальном случае. Во Франции есть два бывших католических монастыря под Греноблем и Тулузой, которые перешли в Православие. Переход отдельных людей происходит довольно часто, но случай с целыми монастырями — явление действительно невиданное и знаменательное. В той же Франции есть еще два традиционно православных монастыря. Эти монастыри и могли бы стать первыми центрами того "породнения", о котором я говорю. Начать было бы очень хорошо с молитвенного общения между

приходами, а затем перейти к контактам по крестьянской, сельскохозяйственной линии. Это движение породненных деревень могло бы иметь общеевропейский размах, его уже сейчас готовы поддержать некоторые западные партии. Но для того, чтобы дело пошло, надо очень много и активно работать. И вообще есть много проектов, которые новые времена позволяют пустить в ход. Но нам необходимо спешить: нет времени. Нужно делать все чрезвычайно быстро, но хорошо.

Г. А.: Поскольку мы начали разговор с тотального кризиса, с российской катастрофы, а заканчиваем призывом к быстрой и хорошей работе, можно сделать вывод, что Вы с оптимизмом смотрите на будущее нашей родины?

И. О.: На Западе часто говорят о моем оптимизме. Если это и оптимизм, то он не легковесен. Это оптимизм человека, который не стоял в стороне, а тридцать лет боролся с реализовавшимися в XX веке страшными химерами. Но оптимизм и пессимизм — это простые умонастроения. Я же исхожу не из настроений, а из анализа. Другое дело, что мой анализ совпадает с оптимистической точкой зрения. Я думаю, что мы имеем надежду очень серьезную выйти из этого кризиса, встать и возродиться. Для этого, конечно, нужна Божья помощь, элемент чуда. Но чудо ленивым не дается, надо его заслужить.

Г. А.: Спасибо большое, Игорь Вячеславович. Я вот все думал, как можно лаконично назвать Вашу позицию, и мне пришло в голову выражение "просвещенный патриотизм". Сочетания этих двух понятий нам сейчас так не хватает. Обычно они не только существуют порознь, но зачастую и противостоят друг другу: либо "просвещенный", либо "патриот". Но существующие порознь оба эти понятия неполноценны, во всяком случае не могут стать той интеллектуальной основой, на которой возродится страна.

Мюнхен, 21 октября 1989 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Интервью печатается в журнале "Выбор" № 10.

² Обращаем внимание читателей на то, что беседа происходила, когда военное положение не было введено еще ни в одной точке СССР. Подтвердились на практике и некоторые другие пункты теоретического анализа И. В. Огурцова. Например, в то время, когда он говорил о стремительности падения тоталитарных режимов, события в Восточной Европе еще только начинались, а о Румынии, скажем, слышно ничего не было.

³ Ныне переименованный в "Союз Христианского Возрождения".

⁴ С. Л. Франк показал, что христианский социализм (тоталитарный "изм") — невозможен.

Д. ШТУРМАН

ИМПЕРИЯ ПЛАНА

Введение

Во 2-й половине 1980-х годов в СССР разительно участились и увеличились в масштабах всевозможные аварии и катастрофы. Некоторые из них можно было бы считать нерукотворными, если бы не сугубо рукотворные обстоятельства, им сопутствующие. Один из наиболее ярких примеров такого рода бедствий — землетрясение в Армении 1988 года, во время которого здания старой застройки почти все уцелели, а новой — рухнули, и чем более недавние, тем непоправимей. (Сразу же вспомнился анекдот: “Что останется от Ленинграда после землетрясения такой же силы, как армянское?” — “Санкт-Петербург”.)

И еще одно: зарубежные спасатели начали свою работу в Армении, в основном, тогда, когда советские от нее уже отказались: все, что могли, они к тому времени сделали. Иностранцам, с помощью их технической вооруженности, удалось извлечь из-под обломков немало живых людей, которых советские спасатели с их техникой и организацией вынужденно обрекли на смерть.

Еще один пример: при тушении печально знаменитого пожара в здании ВТО и редакции “Московских новостей” (1989) вода причинила немногим меньше ущерба, чем пламя. Между тем западные противопожарные службы более чем в 80% случаев огня водой не тушат: для этого есть более эффективные и менее разрушительные средства.

Напомним: когда возникла реальная угроза мощного землетрясения на советском Дальнем Востоке (1989), руководители региона не смогли добиться завоза из Центра никакой предупредительной и спасательной техники, кроме лопат и ломов.

Ни в Японии, ни в США землетрясения масштабов армянского 1988 года (6–7 баллов по шкале Рихтера) не оставляют катастрофических последствий.

Ни в США, ни в Западной Европе аварии на атомных электростанциях (АЭС) не обогатятся Апокалипсисом, а их радиоактивные отходы не проникают из захоронений в окружающую среду, как это происходит в СССР повсеместно.

Естественно, что люди и в СССР, и вне его пределов ищут ответа на вопрос: почему это так?

Проф. А. И. Воробьев в письме, озаглавленном “Цена мнений: неспециалиста и специалиста” (“Новый мир” № 3, 1989, Москва. Стр. 260), пишет:

“В № 9 “Нового мира” напечатана статья Алеся Адамовича — “Честное слово, больше

не взорвется”, или Мнение неспециалиста”. Вслед за этой статьей идут две комментирующие и отвергающие ее заметки специалистов, уверяющих, что с Чернобылем все спокойно. Кто прав? А быть может, все правы, но каждый по-своему? Может быть, пора прекратить разговоры о Чернобыле?

Все бы хорошо, но ничто не облегчит существования сегодняшних жертв радиационных аварий, участи будущих поколений и новых жертв, если вслед за такими специалистами все будут молчать.

Эти специалисты, слишком быстро клюнув на подброшенную им наживу в словах “мнение неспециалиста”, бросились на выдающегося советского писателя, публициста, гражданина со всем своим арсеналом более чем сомнительных, много раз публиковавшихся аргументов в защиту нынешней атомной энергетики, в защиту широковещательных заверений, что в чернобыльском регионе все в порядке и жителям ничто не угрожает.

А о чем говорит статья А. Адамовича? Что не в результате стихийного бедствия, не в темном лесу, а на самом передовом, самом чистом предприятии — атомной электрической станции — во время плановой работы произошла авария, и радиоактивные осадки засыпали огромные районы родной земли писателя. Это что же — единственная авария по вине специалистов? Разве “Нахимов” вел случайный человек? Разве взрыв железнодорожного состава в Арзамасе с пятидесятиметровой воронкой произошел по вине молнии, ударившей в бак с бензином (какой-то специалист ведь дал разрешение грузить в одну емкость столько взрывчатки, что и город снести можно)? Разве не повторилась такая же авария в Свердловске? Разве около Бологого сгорел пассажирский поезд из-за пьяного стрелочника? Нет, во всех случаях виновны специалисты. Плохие? Да. Может быть, уничтожение Аральского моря и превращение в пустыню огромных пространств произошло по вине неграмотных пастухов, козы которых съели в древности ливанские кедры? Нет, пастухи ни при чем. Ну, может быть, наконец, Азовское море зацвело в этом году из-за того, что где-то Геркулес разом вычистил древним способом все конюшни вокруг Дона? Нет. Конюшен этих на Дону уже нет, а лошадей свели не крестьяне, а московские “специалисты” по сельскому хозяйству. Может быть, не в нашем, а в чужом краю исстари селившийся по берегам больших и малых рек народ согнали с насиженных мест для затопления

самых ценных пойменных земель? Это все было у нас. А может быть, и дальше так будет? Будет, если неспециалисты наконец не одернут так называемых специалистов, перегруженных званиями, наградами, но не знаниями и не заслугами перед своим народом.

Мы пожинаем богатый урожай, посеянный диктатурой, когда и чины, и звания раздавались захватившей власть кучкой малограмотных людей, убравших настоящих ученых практически из всех областей науки. А если и остались выдающиеся физики и математики, инженеры и врачи вне тюрем, то ведь от них вузы и факультеты университетов были избавлены и народившееся новое поколение питалось уже в значительной мере суррогатом науки. Именно поэтому аварийность у нас не является случайностью — она закономерна”.

Проф. Воробьев перечислил далеко не все технического, аварийного и, казалось бы, естественного происхождения катастрофы в СССР последних лет. Но так ли уж виноваты специалисты? Или, допустим, чиновники?

Прежде, чем попытаться определить фундаментальные основания нынешней советской экономики катастроф, обновим в памяти ее картину. Детали современной советской ситуации большинству возможных читателей этой статьи хорошо знакомы. Более того: многим понятны и ее корни. И все-таки есть резон взглянуть на нее не только изнутри, а как бы со стороны, более или менее обобщенно. Итак:

1. Нынешняя реальность Империи Плана

1. Как живут советские люди

Читатель, надеюсь, помнит, как часто в печати РСФСР, да и русского Самиздата выражалось и порой еще выражается мнение, что советские инациональные “окраины” процветают за счет собственно Великороссии. Ни в коей мере не пытаюсь тем самым сказать, что русским живется сносно, обратим все же свой взгляд на процветающие, по мнению многих патриотов России, “окраины”.

Приведу выдержки из статьи туркменского писателя Ак-Мухаммеда Велсанара “Там, где не вырастет посох...” (“Московские новости”. № 14, от 8 апреля 1990 года; стр. 7):

“В это трудно поверить, но большинство туркменских детей в наше время постоянно недоедает. Педиатр из Латвии Т. В. Слуккина, поработавшая у нас в составе летнего медицинского десанта, отмечает: подавляющее большинство детей в Туркмении не дотягивает до нормального веса. Отсюда слабая сопротивляемость организма заболеваниям, частый летальный исход от таких недугов, которые

для нормальных детей не очень-то страшны. Уровень детской смертности остается чрезвычайно высоким в нашей республике (впрочем, как и в соседних Узбекистане и Таджикистане) не потому, что здесь высокая рождаемость, как это порой пытаются доказать некоторые издания (сама по себе многодетность не может явиться причиной высокой детской смертности), а потому, что в этих республиках чрезвычайно низкий уровень жизни.

Врачи Института охраны здоровья матери и ребенка отмечают: в магазинах Тахтинского района за последние 10 лет не продавались сливочное масло, мясо, куры. 85 проц. семей района не имеют своего скота, и потому даже на рынке очень трудно купить мясо, молоко, молочные продукты. В некоторых семьях, особенно многодетных, дети умирают голодной смертью.

В печати неоднократно отмечалась губительность монокультуры хлопка для среднеазиатских республик. Сегодня, вероятно, никто не станет отрицать существование такого положения и в Таджикистане. А вот руководители Туркмении наотрез отказываются признавать существование подобного положения у себя в республике, не желают замечать, что на душу населения в Туркмении производится хлопка-сырца в два с половиной раза больше, чем в Таджикистане. Отсюда острая нехватка продуктов питания, растущая социальная напряженность, хроническое голодание и высокая детская смертность: в прошлом году умерли 6846 младенцев (до одного года) из 125054 родившихся.

Среди населения республики растет глухое недовольство. Будучи разобщенным в силу сохранившейся до наших дней родо-племенной структуры, наш народ политизируется медленно, я бы сказал, даже неохотно, чем во многом обусловлена сегодняшняя его общественная безынициативность. Однако антикооперативные погромы в мае прошлого года в Ашхабаде и Небит-Даге — серьезное предостережение для тех, кто рассчитывает на долгую спячку людей.

НЕ ХОЧУ быть зловещим пророком, но боюсь, что буквально через несколько месяцев будет остро не хватать дней тем самым людям, которые сейчас бездумно тратят время, отпущенное на мирные реформы. Экономическое положение туркменских семей, в которых на еду приходится сейчас 25—30 рублей (в среднем в них по 6—8, а то и 10—11 детей), к концу года, вероятно, значительно ухудшится в связи с набирающими темп инфляционными процессами, и тогда многодетность туркменских семей, которая служит пока сдерживающим фактором роста общественной активности, может стать значительным стимулом активизации населения. Меняются обстоятельства, соответственно

меняются люди. И спрос будет самый строгий с тех, кто повинен в голодной смерти Гуйчгелди Сейитмурадова, сотен детей, которые сегодня вынуждены жить впроголодь на той земле, из которой средневековый арабский историк изрек: воткни посох, и распустит он листья...

Ак-Мухаммед ВЕЛСАПАР, писатель. Ашхабад.

Таджикам их положение не видится намного более благополучным, чем туркменам. Но политизированность их, видимо, выше, и поэтому там первые кровавые столкновения уже состоялись. Корреспондент "Московских новостей" Александр Минеев в статье "Душанбе: где выход из кризиса?", опубликованной в №8 этой газеты (25 февраля 1990 г., стр. 5), оценивает корни душанбинских беспорядков так:

"Сегодня в Таджикистане все признают, что требования не принимать в республике беженцев из Азербайджана послужили лишь детонатором кровавых событий. Истинной причиной стали тяжелые социально-экономические условия, сложившиеся в республике. 117 тысяч безработных, трущобы в городах, безземелье сельских жителей при самой высокой в СССР рождаемости — это лишь наиболее выпуклые черты неблагополучия сегодняшнего Таджикистана. Недовольство копилось десятилетиями — взорвалось в одночасье".

На этот раз взрыв был подавлен военной силой. Надолго ли?

Народы советского Севера и Северо-Востока пора давно занести в Красную Книгу исчезающих этносов. Поскольку такой не существует, то самое время ее создать, начиная с них.

Газета "Аргументы и факты" № 14 за 7—13 апреля 1990 г. (Москва) сообщает в статье "Народы Севера: быть или не быть":

"30—31 марта в Большом Кремлевском Дворце проходил съезд малочисленных народов Севера. Представители 26 малочисленных народов, объединившихся в ассоциации, пытались разобраться в причинах, породивших многие негативные явления, искали пути выхода из тупика. Слово — участникам съезда".

Послушаем участников съезда (очень немногих):

Н. СОЛОВЬЕВ, председатель ассоциации ороков, Сахалинская область:

— Нас чуть больше 200 человек. В давние времена наши реки и озера были полны рыбы, в лесах не выводился пушной зверь. Все были сыты. Голодными были только ленивые. И заявления, что коренные народы Сахалина были обречены на вымирание, не выдерживают никакой критики. С этим бестактным, унижающим наше национальное

достоинство стереотипом, кочующим из одного учебника в другой, надо самым решительным образом бороться. Где-то 150 лет назад нашими богатствами заинтересовались цивилизованные державы. И сразу оказалось, что мы не так жили, не то ели, не так танцевали, не так пели, и вообще непонятно, почему мы до сих пор еще живы. Сейчас на Сахалине обнаружили нефть. Ее добыча, "длинный рубль" привлекли сюда массу людей с авантурными наклонностями. Хозяйства сахалинской земли были бесцеремонно оттеснены и вскоре утратили многие традиционные промыслы.

Ю. ДАНКАР, председатель сельсовета, Хабаровский край:

— Сегодня хозяйства нашей земли — не коренное ее население, не сельские Советы, а министерства и ведомства. Например, Минлеспром не разрешает нам оставлять на собственные нужды даже 5% леса. 75% валюты, получаемой в результате продажи богатств нашего края, остаются в центре, а на оставшиеся 25% приобретается техника, с помощью которой еще более высокими темпами будет уничтожаться природа. За пределы района вывозится и вся пушнина.

Л. ГРИШИНА, председатель ассоциации орочей, Хабаровский край:

— Орочей сегодня в стране 425 человек, за 72 года Советской власти численность нашего народа не только не возросла, а намного уменьшилась. Причина — многочисленные насильственные переселения, начиная с 1956 г. Пять раз переселяли нас с исконных земель наших предков. Как следствие: перевелись рыбаки, охотники, забыты родной язык и культура. Плохое медицинское обслуживание и жилье, отсутствие этнической пищи, теплой меховой одежды дали многие болезни. До 50% орочей находятся на учете в тубдиспансерах. Многочисленные решения крайисполкома, направленные на улучшение нашей жизни, остаются только на бумаге".

Этому реквиему пытаются противопоставить уклончивые слова о том, что малочисленные патриархальные племена исчезают фактически во всех регионах мира, в которые продвигаются высокотехнические цивилизации. Такой процесс шел столетиями, но вот уже несколько десятилетий развитие и свободные общества довольно успешно стараются повернуть его вспять. Однако под следующий материал не подведешь даже такого (достаточно спорного) обоснования.

"Московские новости" поместили в № 34 от 20 августа 1989 года статью В. Лупандина и Е. Гаер "Чернобыль на Чукотке" с подзаголовком "Народы Севера расплачиваются за ядерные испытания". Из этого вопля отчаяния трудно что-нибудь выделить для цитирования, но попытаемся все же кое-что

отобрать. Итак:

"Все, что говорится и пишется сегодня о судьбе народов Севера, во многом типично и для аборигенов Чукотки. Невероятно низкая продолжительность жизни, высочайшая детская смертность — эти и другие кричащие проблемы их нынешнего бытия пока принято объяснять причинами социальными — плохим жильем, низким качеством питания, отсутствием квалифицированной медицинской помощи. Однако есть и другое, о чем до последнего времени не говорилось. Речь идет о высоком уровне радиационного загрязнения среды.

...Общая дозовая нагрузка у населения Чукотки в два раза выше средней по СССР и примерно равна средней дозе облучения людей, проживающих на контролируемых территориях, пострадавших в результате аварии на Чернобыльской АЭС.

Но проблема прежде всего в том, что для чукчей-оленьеводов реальная доза облучения гораздо выше, ибо их организм является завершающим звеном цепочки накопления радионуклидов: от лишайника к оленю и человеку. По данным ленинградских гигиенистов-радиологов, удельная активность свинца-210 в костной ткани оленеводов в 10—20 раз превышает таковую у людей, не употребляющих в пищу оленину, а общее содержание в организме цезия-137 — в 100 раз.

Причина повышения радиационного фона на Чукотке — ядерные испытания в атмосфере на Крайнем Севере страны в 50—60-х годах.

...Радиация, как известно, прежде всего бьет по иммунной системе человека. А потому спектр болезней, расцветших в крае за последние три десятка лет, поражает воображение.

Практически 100 процентов коренного населения болеют туберкулезом. 90 процентов страдают хроническими неспецифическими заболеваниями легких.

...Несмотря на отдаленность и изолированность региона, на Чукотке постоянно возникают вспышки вирусных и бактериальных желудочно-кишечных инфекций, паразитарных заболеваний. Но, пожалуй, самым серьезным свидетельством воздействия радиации являются данные о распространенности и росте среди аборигенов онкологических заболеваний.

Их уровень в два-три раза выше, чем в среднем по стране. Смертность от рака пищевода самая высокая в мире. В 10 раз выше среднего уровень заболеваемости раком печени. В три раза за последние 20 лет участились случаи заболевания раком легких и в два раза — число лейкозов и опухолей желудка. Все чаще встречается и рак молочной железы. Но самое главное, быстро меняется

структура онкологической заболеваемости. Появляются новые формы злокачественных новообразований — опухоли соединительной и костной ткани, щитовидной железы... В первом же селе, которое мы посетили, председатель сельсовета сообщил нам, что практически все взрослое население больно раком. И это при том, что злокачественные новообразования здесь выявляются только в запущенной форме и, разумеется, оканчиваются смертельным исходом.

...Средняя продолжительность жизни чукотских аборигенов (даже без учета несчастных случаев) составляет всего 45 лет. Это на 11 лет ниже официально приводимой цифры и своеобразный рекорд всех стран и народов мира.

Что же касается детской смертности, то здесь открытая статистика втрое-вчетверо "скромнее" реальности. В действительности умирают от 70—80 до 100 новорожденных на тысячу, и за последние шесть лет этот показатель возрос на 6 процентов...

Владимир ЛУПАНДИН,
доктор медицинских наук.

Евдокия ГАЕР,
кандидат исторических наук,
народный депутат СССР".

Вот так-то...

Но ведь и это далеко, далеко не все. В "Новом мире" № 5 за 1989 год опубликованы дневники, документы, итоговые материалы экспедиции "Арал — 88", организованной журналами "Новый мир" и "Памир". Публикацию завершает очерк одного из участников экспедиции экономиста и публициста Вас. Селюнина "Бремя действий". Вот несколько выдержек из этого очерка:

"В старой книге, не помню теперь какой, вычитал однажды: в период расцвета страна рождает певцов и героев, в период упадка — чиновников и много пыли. Почему пыли? При чем тут пыль? Слово затесалось в максимум вроде как не из той кассы. Но нет, не ошибся мудрец. От Арала осталась, считай, половина, и с обсохшего дна, как утверждают ученые, поднимается 75 миллионов тонн мельчайших частиц песка и соли в год. Участились песчаные бури. От них не укрыться, не убежать — пыль забивает глаза, уши, дыхалку, ее не успеваешь отхаркивать, она проникает в наглухо закрытые окна домов, в салон машины, губит на корню все живое.

На стыке великих пустынь Каракумы и Кызылкум рождается третья, получившая уже имя — Аралкум. Пыль и пески приканчивают город Аральск. Без малого половина его жителей разбежалась — ушло море. Нависла над песками на века построенная пристань. Поники клювы порталых кра-

нов. Громадные корабли, выстроившись гуськом, бороздят килями песчаные волны”.

Опуская по необходимости ценнейшую информацию, глубокие размышления и куски первоклассной прозы, дадим лишь некоторые контуры увиденного Селюниным:

“Гибель Арала — не вся беда, а лишь малая ее толика. Все видят: было море — и вот исчезает. Не столь заметен постороннему более грозный процесс: деградирует среда обитания 30 миллионов человек, населяющих Среднюю Азию.

Перед отъездом в экспедицию я имел обстоятельную беседу с первым заместителем министра мелиорации П. А. Полад-заде. Он заверил:

— Вы не найдете в Средней Азии площадей, окончательно погубленных. Неблагополучные земли есть, однако ни одного орошаемого гектара не списано.

Докладываю читателям, что это неправда. В одной Кызыл-Ординской области списано 28 тысяч гектаров, или десятая часть орошаемых земель. В Каракалпакии выпало из оборота 100 тысяч гектаров — каждый пятый поливной гектар. Сам видел эти земли с самолета, походил по ним, пощупал, попробовал на зуб — на них во веки веков чего-либо полезного не произрастет, голая соль. Бросовые затраты государства и хозяйств только в двух областях близки к миллиарду рублей.

Это бы еще ничего. Хуже, что на миллионах гектаров уровень соленых грунтовых вод подтянулся с прежних 30–50 метров до критических отметок — где полтора метра, где метр, а где и того меньше. Деревья на той земле гибнут — их корни проникают в мертвый слой, и сразу засыхают вершины, соль выступает на ветках.

...Вода, истраченная на полив и промывки сверх меры, стекает в низины, будучи уже соленой и ядовитой. Удручающее зрелище — Средняя Азия с самолета! Аральское море не исчезло бесследно, оно разлито теперь по всему региону. Возникли дикие моря. Мы побывали на Сарыкамышской впадине, это к западу от Арала. 5 миллиардов кубометров мертвой воды стекает сюда ежегодно. С аэроплана “аннушка” другой берег не виден — чем не море? Садимся и пробуем подойти к воде — нельзя, топкое соленое болото. А на нем ни камышинки, ни бубочки — земля пропитана ядами. Кое-где пробивается бурая солянка — это растение способно прозябать хоть в банке с купоросом. 40 новых озер столь велики, что удостоились названий. А которые помельче — кто их считал? Средняя Азия — это губка, пропитанная соленой влагой.

...Безмерные поливы вымывают из почвы гумус. Его приходится компенсировать ударными дозами удобрений. Земля стала банги

(наркоманом, по-нашему), без химии не родит. И в довершение бед, когда десятки лет сеют хлопок по хлопку, неудержимо плодятся сорняки и вредители. Их глушат ядами. Если в целом по стране на гектар пашни расходуют два килограмма химикатов, то в Средней Азии — около 50.

Земля в беде, у последнего предела. Если дальше так хозяйничать, нетрудно рассчитать, когда люди очутятся среди марсианского пейзажа.

...Насколько неплодотворны споры вокруг того, кто урвал больше, а кто меньше, мы поймем до конца, когда взглянем на ситуацию не с позиции республик, а глазами сельского жителя. Что принесли ему все эти каналы, гектары, рубли инвестиций?

Среднестатистическая душа населения съедает за год не более 30 килограммов мяса, причем этот деликатес потребляют в основном горожане. На сельского жителя приходится 8 кило в год (напомню: в среднем по Союзу — 65 килограммов). Знаменитый восточный плов известен крестьянской семье больше по запаху, нежели по вкусу. Душевое потребление молока чуть превышает половину общесоюзной нормы, яиц — 41 процент нормы. В это трудно поверить, но плодов, ягод, винограда, овощей, арбузов, дынь житель съедает тоже гораздо меньше. Базарные цены практически на все продукты выше, нежели в столице. Семья считается благополучной, если на человека приходится 30 рублей в месяц. Но и этот нищенский доход сокращается — даже по официальным данным, в последнее время в Узбекистане он падает на 1,1 процента ежегодно. Ситуация была бы еще тяжелее, не будь поставок из общесоюзного фонда. Из него поступает в Среднюю Азию каждый третий килограмм мяса, весомая доля молока, масла, яиц. В регион завозят даже карамель и халву.

Довести до голода благодатнейший край — это надо было уметь. В сущности, произошла экономическая катастрофа, дополнившая и продолжившая бедствия экологические. Отчего же не кормят людей миллионы освоенных с такими затратами гектаров? А все они ушли под хлопок, снабдив крестьянскую семью вдоволь разве что ядохимикатами в земле, по которой она ходит, в воде, которую она пьет, в воздухе, которым она дышит.

Когда собственными глазами видишь горькую нужду, пугливую и безнадежную, какими-то невсамделишными представляются наши споры и страсти вокруг многомандатных выборов, плюрализма мнений, гласности. Не то чтобы эти диспуты не нужны или не важны, нет, но именно здесь, наблюдая во всей доподлинной натуре вечные, как мир, заботы бедняка, не сердцем, не разумом, а

потрохами чувствуешь неоглядную дистанцию между столичным мыслителем и этим вот кормильцем страны, который мало сказать не верит больше словам и посулам — он просто не понимает, чего еще от него хотят начальники или заезжая "комиссия" вроде нашей.

...Есть в Средней Азии милый обычай: вблизи святого места, на худой конец на кладбище, повязать на дерево ленточку и загадать желание. Главный идеолог Узбекистана Абдуллаева усмотрела тут пропаганду ислама и велела деревья спилить. Сейчас она, правда, под следствием, но не за этот же подвиг. Ислам она жутко не любит — при ее правлении за обрезание крайней плоти младенцам мужеска пола отцов исключали из партии. Беспартийным — тем, конечно, послабление.

Новые времена начались вовсе уж дикой выходкой: топор трезвенника погулял по виноградной лозе. В одном Ура-Тюбинском районе Таджикистана погублено 1000 гектаров, и теперь за килограмм винограда на местном базаре в сезон сбора просят и два и три рубля — сам приценялся.

Подозреваю, однако, что такого рода кампании не столь бессмысленны, как это может показаться. Исподволь, годами, из поколения в поколение они меняют стереотип человека, воспитывают покорность воле начальства. Человек начинает чувствовать себя не творцом, но податливым материалом в руках экспериментаторов. А покорный человек сам, своею вроде бы охотой признает право распоряжаться им как работником. После разышачивания и раздувализации как-то меньше ропота и протестов вызывает даже труд малолетних на хлопке, этот позор Средней Азии. Формально он запрещен, а на деле? С секретарем Марыйского обкома по сельскому хозяйству Ю. А. Арестовым едем по землям совхоза "Захмет". Юрий Александрович клятвенно заверяет, что уж в нынешнем-то году школьников в поле не увидишь. Но чьи это черные головки высовываются из хлопчатника? Подходим, расспрашиваем. Третью неделю учителя и ученики двух школ на уборке. Рабочий день — с десяти утра до шести вечера. Еда своя — лепешки и конфеты. Здесь только чай греют, но после обеда чаю не остается, пьют из арыка. Заглянули в арык — вода застойная, рваный ботинок туда брошен, ржавая консервная банка. Секретарь обкома к ребятам не подошел, ждал нас в машине. Рассказали ему что и как, обещал немедленно разобраться.

Министр народного образования Туркмении М. Алиева, вместо того чтобы либо пресечь издевательства над малолетними, либо сложить с себя полномочия, гуманно жалуется

в печати: "Горько сознавать, но сегодня для многих сельский школьник — это прежде всего производственная единица, а уже потом ученик, ребенок. Не считая каникул, он в течение четырех-пяти месяцев после уроков — на поле. Ему достаются наиболее трудоемкие операции — прополка, чеканка, сбор урожая". Все верно, кроме одного: отнюдь не после, а вместо уроков ребятишки в поле. Есть в Туркмении районы, где в минувшем перестроечном году во время уборки хлопка в классах училось 15,5 процента школьников".

Госпожу Абдуллаеву, наперекор строптивому Гдляну, с извинениями отпустили домой. А на земле, на которой она продолжает воевать с предрассудками и дувалами, "чуть ли не бытовым явлением" стали... самосожжения женщин. Так, "в колхозе имени Энгельса покончила счеты с жизнью двадцатидвухлетняя Гульчахра Кучманова. В пятнадцать лет, как ее сестры и братья, Гульчахра бросила школу и с той поры мало чего повидала на свете, кроме хлопкового поля. Семь лет, как все, подчинялась простому режиму: девушки и бездетные женщины должны трудиться с шести утра до восьми вечера, женщины, имеющие детей, — на два часа меньше. Книжки, развлечения, кино — все это осталось в другой, школьной жизни. Хотя и там был хлопок, но детство беззаботно.

В тот день к концу работы в поле прибыл нарочный с приказом из райкома: сто человек от колхоза, десять от бригады — на окучивание в Каршинскую степь. "Ты, ты, ты... — отсчитал бригадир, — завтра быть готовыми". Что там за рай земной, девушка знала не по бессмертным творениям Рашидова и не по балетам: две недели в условиях вахтового метода — не шутка, а домой привезешь хорошо если четвертную. Она бы и тут не отказалась, да замучила аллергия от проклятой химии. Словом, утром не поехала Гульчахра с подружками, а вышла в поле, как обычно. Учетчик прогнал ее — посмела, мол, послушаться бригадира. Не допустили ее к работе и после, когда подружки вернулись с вахты. А дома, сами понимаете, лишний рот — не подарок.

Потом прокурор выяснит, в чем было нарушено трудовое законодательство, кто из начальства превысил власть. Порок будет наказан, но торжествует ли добродетель? В одном Узбекистане в одном 1987 году было больше ста случаев самосожжения. Причины разные. Я вообще думаю, что нормальный человек на самоубийство не способен, однако есть ведь от чего свихнуться.

...Да, объективные данные говорят о том, что вырождение людей собственно в Приаралье подходит к критической черте и процесс

стал неуправляемым — медики могут лишь регистрировать события. В Каракалпакии заболеваемость паратифом в 2 раза выше, чем в целом по Узбекистану, и в 23 раза выше, нежели по всей стране. За последние десять лет общая смертность в автономной республике поднялась в 1,5 раза, сердечно-сосудистые болезни участились в 1,6 раза, туберкулез — вдвое, желчекаменная болезнь — в 5 раз, рак пищевода — в 7–10 раз. В Кызыл-Ординской области только за пять лет заболеваемость брюшным тифом возросла почти в 20 раз. Желтухой здесь переболели 60 тысяч человек. Эти люди, как уверяют врачи, на всю жизнь остались инвалидами (поражена печень). В Приаралье свирепствует дизентерия, обыденными стали болезни, о которых давно забыл цивилизованный мир. Детская смертность здесь выше, чем в каком-нибудь Парагвае, и в 20 раз выше, нежели, к примеру, в Японии.

Все так, только при чем тут море? По несчастью, население Приаралья живет в низовьях великих рек и вынуждено пить воду, которая вобрала в себя пестициды, гербициды и прочую мерзость. Это уже не реки — это клоаки Средней Азии. Я выписал из официальных отчетов содержание вредных веществ в пробах, взятых в створах Сырдарьи и Амударьи и от верховий до дельты. В горных истоках вода чистейшая, да это и без анализов ясно — мы проехали по Памиру и каждодневно наслаждались хрустальными источниками. В пробах, взятых в среднем и особенно нижнем течении обеих рек, по экспоненте возрастает содержание ядов, включая давно запрещенные к применению дуст и гексахлоран. Поскольку по невежеству своему оценить цифры я не умею, посадил рядом доктора наук, заместителя директора Всесоюзного института охраны водных ресурсов А. К. Кузина и попросил его комментировать анализы. Он не был многословен: “Убойная доза, убойная доза”. Выписываю, а сам поглядываю на собеседника — мой Саша побелел от страха. Ведь эту воду пьют, другой нет.

Ядохимикаты, смертельно опасные сами по себе, подавляют способность к самоочищению бытовых и фекальных стоков. Эта отвратительная смесь просачивается в колодцы, а практически все сельские жители пользуются колодцами. По деликатному выражению нашего врача кандидата медицинских наук А. А. Дериглазова, люди пьют воду, которая несколькими днями раньше была уже выпита”.

Почему на Севере и в поливной Азии экологическая и демографическая катастрофы разразились со столь погубительной скоростью и остротой? Причем без Чернобыля, без землетрясения или чего-нибудь подобного —

взрывного, одномоментного? Потому что экологические условия для выживания и — тем более — для расцвета цивилизации формируются здесь тысячелетиями, создаются прежде всего людьми — их мудростью, их осторожностью, их терпением и умеренностью в потреблении, их моралью. Нельзя не согласиться с Селюниным, когда он пишет:

“Общий знаменатель всех бед, постигших Среднюю Азию, — командно-административная система. Негативные ее стороны раскрылись здесь раньше и полнее хотя бы по той простой причине, что среда обитания создана в регионе не матушкой природой, а руками человека и потому более хрупка, ранима, уязвима к воздействию волонтаризма. Опоздаем со сменой системы — Средняя Азия станет моделью, генеральной репетицией тотального распада”.

Автор очерка надеется на помощь других республик страны ее среднеазиатскому региону. Но, к великому несчастью, распад зашел угрожающе далеко и там, где экологическая ниша цивилизации была изначально куда более просторной и прочной, чем в поливных или северных регионах.

Несомненно, многим и многим из обездоленных, как было долгие годы принято говорить, “нацменов” представляется, что хорошо живут “хозяева” СССР — русские (не люблю лишних кавычек в тексте, но как их тут не поставить?).

Несколько страниц о режиме работы и жизни промышленного сердца страны — Урала.

Советское телевидение было еще в апогее своей “перестроечной” почти-свободы, когда показало в канун 1990 года так называемый “винный бунт” в Свердловске. Заместитель главного редактора “Московских новостей” В. Лошак пишет в № 2 газеты от 14 января 1990 г. на стр.3:

“Забастовки с производственными и даже политическими требованиями мы уже “проходили”, на этот раз причиной волнений стали пустые прилавки, невозможность купить перед праздником вино и водку даже по талонам.

Бунт удалось смирить, не применяя силу. Свердловчанам немало было обещано, а буквально через несколько часов на прилавках стали появляться сыр, рыба, вина, колбаса...

Надолго ли? Мог ли кто-то дать уральцам гарантии от новых приступов покупательского отчаяния?”

Сегодня можно с уверенностью ответить, что ненадолго, не мог. Пишет же далее В. Лошак, что “в торговле Свердловска недостает 5000 наименований различных товаров”, включая “то, чего вчера еще, кажется, было пропасть: телевизоры, вилки, леденцы”. Так что отсутствие спиртного для новогодне-

стола было только последней каплей, переполнившей чашу. И это — “рабочий край, выпускающий на 31 миллиард рублей продукции, из которой 86 процентов — железо и машины” (там же).

Прошло три месяца, и в № 9 “Московских новостей” от 14 марта 1990 года появилась на развороте листа (стр. 8–9), под рубрикой “Как мы живем”, иллюстрированная корреспонденция Ю. Теплякова “Еще дышишь, Урал...” Это несколько не менее страшный материал, чем “Чернобыль на Чукотке” и очерк Вас. Селюнина об Арале. Его тоже переписывай хоть весь.

Ю. Тепляков предваряет свою статью так:

“На огонь и воду можно смотреть бесконечно. А когда рядом плещет сталь — вообще какой-то мистический озноб. Дым, звон, гул, жар. Сплохи огня выхватывают машины, лица, краны, груды искореженного металла. Черное и красное. Красное и черное. Ад.

За какие же грехи тяжкие работают здесь люди? Если не за грехи, тогда за деньги великие?”

Все последующее отвечает на последний вопрос. Приведу отрывки без комментариев:

“Москва твердит об успехе перестройки, а жизнь все хуже и хуже, нечего приобретать на честно заработанные деньги. А честно заработанные деньги — особенность Урала.

Шесть лет назад ввели талоны мясные. Прибавили за это время хоть 50 граммов? Нет. Значит — без просвета.

...Положение — как бочка с порохом: одна искра, одна капля гнева — и... терпение Урала не вечно...

Ну, это они напрасно, терпение еще есть. Недаром же начальник цеха, где самая жуткая экология и самая лучшая сталь, сказал: “У нас порядок, да вы знаете, сколько наши сталевары после пенсии еще живут? Десять лет!”

Куда уж лучше: на пенсию сталевары уходят в пятьдесят, а продолжительность жизни в Челябинской области на 5–8 лет короче, чем по всей стране...

— Я своих сверстников, считай, всех похоронил. А мне пятьдесят пять лет.

...Из месяца в месяц, из года в год, из десятилетия в десятилетие работает домна на социализм.

А как она работает на человека? На Михаила Пунтуса, на его товарищей? Тридцать один год ждал он квартиру. Черную икру видел только в кино, мать суп чаще варила из крапивы, чем с картошкой.

— Ну, ладно, то были послевоенные годы, все раздетые, голодные, — волнуется, вспоминая, Михаил. — Но сегодня-то! У горнового нашего пятеро детей, а нам дали по три крохотные баночки сгущенного молока. Детей

пятеро — банок три. Как он принесет их домой, кого обделит? Забился в угол, молчит. Хорошо, газовщик Дубынин предложил: “Давайте, мужики, сбросимся”. Я отдал, у меня дети выросли.

В Москве мне говорили: на Урале нечем дышать — но здесь и хлеба-то насущного не всем хватает.

...Гордость атомной колыбели? Только гордостью той сыт не будешь. Поэтому-то Урал и попал в нахлебники: промышленность региона обескровила его сельское хозяйство. Сейчас из 100 работающих лишь 4 человека пашут землю. Удивительно другое — как эти четверо умудряются еще давать 60 процентов продуктов, необходимых области.

Остальное надо завозить. Откуда? Прибалтика отвернулась, атомная колыбель теперь ее не волнует. Кубань ищет партнера выгоднее, на Украине свои заботы. Что же делать? Умереть, обладая богатством: металл, трубы нужны всему миру, только свистни — привезут птичье молоко, не то что мороженую сухую баранину, которую нормальные люди давно не едят. Но как свистнешь, если все до последнего гвоздя принадлежит союзным министерствам, все, что выпускает Челябинская область, — стопроцентный государственный заказ. Заказ для блага человека, во имя человека! Но никто до сих пор не знает и не ведает, где тот человек живет”.

Согласно другому советскому анекдоту — знает: чукча был в Москве на съезде, услышал, что все в нашей стране делается для блага человека, во имя человека, и он видел этого человека... Но продолжим уральский мартиролог:

“Чувство голода, говорят, самое мучительное. И все-таки есть в Челябинской области город, 18 тысяч жителей которого готовы хоть завтра вдвое урезать свой и без того скудный паек, лишь бы увидеть небо над головой, лишь бы не глотать больше серную кислоту. 162 тысячи тонн серы, свинца, мышьяка, теллура и еще самой разной гадости выбрасывает в воздух местный медеплавильный комбинат. Девять тонн на каждого, из которых три тысячи детей.

— Неужели правда? — терзал я государственного санитарного врача города Владимира Макаревича. — Это же смерть, и те, кто тут живет, — добровольные смертники.

Я еще надеялся, что он скажет “нет”, скажет, что это в общем-то все условно, лишь теоретически, а он ответил:

— Да, это смерть, но смерть медленная; поэтому многие и не боятся, думают, рассосется. Рассосется? Половину наших ребят в армию уже не берут вовсе — инвалиды, другую половину — только в подсобные части. Тоже инвалиды, но еще могут что-то делать. Детская смертность до года — самая

высокая. Ну а те, что постарше, больны все — легкие, желудок.

— Это чудовищно. Разве может существовать на свете такое производство? Почему не остановите? Имеете же право.

— Что толку? Если я опечатаю печи, директор позвонит в обком партии, в облизполком — и пломбу снимут. Пробовал, но один местный деятель мне сказал: "Сами рабочие вас еще и побьют. Подышат недельку свежим воздухом, проголодаются и побегут на комбинат". Я с ним согласен. Людям некуда деться, комбинат — единственное место, где можно получить работу.

...Двое детей у плавильщика Юрия Бабкина. Спрашиваю:

— Болеют?

— Конечно.

— Почему конечно?

— А потому что здоровых тут нет.

— Отчего не бросите все, не уедете?

— А куда? На все четыре стороны? Кто меня ждет, где?

Чувство безысходности, чувство какой-то обреченности поражает здесь в людях прежде всего. "Жизнь мы проиграли, еще не успев родиться, — качает головой активист местного профсоюза Валентин Устьянцев, — некуда податься, загнали в угол за триста рублей и полтора килограмма перловой каши с тушенкой в месяц".

— Да зачем тебе мясо? — мрачно шутит рабочий Геннадий Беспалов. — Чем жевать будешь, зубы еще не выпали от аммиака?

...На верхнюю загрузочную площадку подъехал электровоз с рудой. Переворачиваются вагонетки — и будто взрыв. Все гаснет. Хочу подойти ближе, но из облака пыли высывается рабочий и кричит, матерясь: "Тебе что, жить надоело? Уйди!"

Я-то уйду. Мое дело нехитрое. А вам-то что делать? Может, и вправду — в охапку детей, внуков и бежать куда глаза глядят?

Убежать от чудища. Видно, не я один такой умный. Партия и Советская власть перенесли свою резиденцию на несколько километров подальше, а прежнее здание, что рядом с трубой, отдали детям под музыкальную школу. Но, правда, есть и другие маневры. Именно в Карабаш, в местную больницу, перевели туберкулезное отделение. Больных привозят из многих районов.

— Чтоб долго не мучались, другой причины не вижу, — сказал мне врач Владимир Макарович, — недаром же из-за этого отделения у нас резко вырос показатель смертности.

...В Карабаше, по оценке заведующего облздравотделом Владимира Макарова, действительно тупиковая ситуация: жить людям там нельзя.

— С точки зрения экологии в области еще три "смертника" — Челябинск, Магнитогорск

и Уфалей. Совокупно с дичайшим продовольственным кризисом это почти катастрофа. Снижается иммунитет человека к разным заболеваниям, уже нарушается соотношение полов: мальчиков стало рождаться меньше девочек — 98:100. В будущем это грозит необратимыми процессами. Срочно нужна белковая пища — мясо, рыба, но где взять? На нашей земле вы уже редко увидите прежних богатырей-сибиряков. Народ мельчает. Ему уже трудно выдерживать здешние природные условия — морозы, длительные зимы.

Недавно я был в Москве на совещании. Академик из Казахстана требовал закрыть семипалатинский ядерный полигон. Он приволил ужасные для них цифры. В целом по Союзу заболеваемость раком — 129 случаев на 100 тысяч человек, а в Семипалатинске — 186. Все ахнули. Но если б услышали наши цифры: по всей области онкологических заболеваний 291 случай на 100 тысяч населения. А в Карабаше — 338!

Мало что там отравлен воздух, там отравлены и почва, и вода.

...Покажите мне хоть одну полоску чистой земли на Урале. Нет такой полоски. Мы уже знаем, что такое ядерная волна. Ядерные выбросы 1954, 1957, 1967 и 1972-го уже накрывали нас. Мы еще не понимаем всю глубину нашей трагедии. Но уже сегодня должны встать на колени и попросить прощения у наших детей и внуков за их погубленную жизнь...

Это я услышал через день, когда на берегу реки Миасс собрался митинг и Наталия Миронова, активистка Народного фронта, обращалась к своим землякам.

Эти слова слушал и секретарь обкома партии Юрий Александрович. Вот его мнение:

— Политическую борьбу я не отрицаю. Я вижу, ее только слепые не замечают да трусы из высшего руководства страны. Урал в этой борьбе имеет стратегический характер. Урал — позвоночник всей нашей промышленности. Если он хрустнет, тогда конец.

Я согласен. У меня единственный вопрос: конец чему?"

А у меня есть еще один вопрос, на который я не вижу ответа: **конец — какой?** Как он произойдет и во что обойдется стране и миру?

Коснемся более чем поверхностно одного из самых больных вопросов советского быта — вопроса жилищного. Заметим: его состояние в существенной мере затрудняет решение проблемы межреспубликанских отношений: русским из сепаратистски настроенных республик некуда переселяться; депортированным при Сталине народам некуда возвращаться; беженцы 1988—90 гг. остаются бездомными; о вчерашних зеках и бомжах (бомж

— человек без определенного места жительства; литературно легализованное просторечие) только-только заговорили...

Итак: "Почти у половины семей рабочих и служащих (49,2% в городах и 47% в сельской местности) на одного человека приходится 9 и менее квадратных метров жилой площади. Каждая десятая семья проживает в стесненных жилищных условиях — имеет на человека менее 5 квадратных метров жилой площади.

Из числа семей, стоящих на очереди для получения жилой площади, каждая третья семья рабочих и служащих, проживающая в городской местности, и каждая четвертая семья, проживающая в сельской местности, ожидает своей очереди от 5 до 10 лет. Свыше 10 лет ожидают очереди на получение жилья 19 процентов семей рабочих и служащих, проживающих в городской местности, и 8 процентов семей, проживающих в селах".

("Аргументы и факты" № 7, 23 февраля 1990 г., стр. 3. Рубрика "Жизнь России").

Такова общая картина, изрядно откорректированная в лучшую сторону, ибо огромные контингенты людей, как бы не большинство нуждающихся, по разным причинам не стоят на жилищной очереди и в нее ни при каких усилиях с их стороны не ставятся. А вот конкретная бытовая картина, подтверждающая ненадежность официальной жилищной статистики:

"Нашими местными властями установлена норма жилья в госдомах 6 м². Это значит, что в 3-комнатной проходной квартире (41 м²) должно проживать не менее 7 человек, чтобы одна из семей имела право стать на очередь на получение квартиры. В противном случае ни под каким предлогом на очередь не поставят. Значит, я, женщина 32 лет с ребенком, мой бывший муж, свекровь со свекром должны до смерти жить в этом проходном "общежитии"? Перспективы обмена — нет (первый этаж, проходные комнаты, сырость, кухня 5 м², нет телефона, лоджии). А местные власти под любым предлогом отказывают в очередности на квартирный учет.

Значит, нет очереди — нет проблемы?

Л. Алешина, Макеевка".

("Аргументы и факты"

№ 5, 1990 г., стр. 1)

Заметим, что в сельских местностях чаще всего никакого государственного жилья и поэтому никакой очереди на него нет.

Мы уже говорили о том, как живут женщины Средней Азии (сто самосожжений за 1987 год). "Аргументы и факты" № 9 от 3—9 марта 1990 г., поздравляя советских женщин с их весенним праздником, сообщают на первой же странице:

"Из общей численности рабочих, занятых

тяжелым физическим ручным трудом в промышленности, пятая часть — женщины, в строительстве — свыше четверти.

Среди работающих в особо тяжелых и особо вредных условиях труда в промышленности 44% — женщины, в строительстве — 17%".

А много ли их всего (и мужчин, и женщин), работающих в особо тяжких условиях в стране, построенной для блага трудящихся ("...а паразиты никогда!")?

В статье "Охрана от безопасности" обозреватель "Московских новостей" В. Волин пишет в № 35 от 27 августа 1989 года:

"В начале этого года советские профсоюзы завершили широкое обследование станков и оборудования. Выяснили: из 2000 проверенных видов отечественной техники лишь 157 (т.е. 8 процентов) безопасны для рабочих. Журнал ВЦСПС "Охрана труда" сообщил, что более 75 процентов трудящихся заняты делом в условиях, именуемых опасными и вредными.

...За 1987 год в стране зарегистрировано около 690 тысяч пострадавших на производстве, из них — 14,6 тысячи со смертельным исходом.

Если учесть еще профессиональные заболевания, то окажется, что ежегодно гибнет 200 тысяч человек трудоспособного населения".

Когда охватываешь обобщающим взглядом советскую публицистику эпохи "гласности", становится совершенно бесспорной абсурдность попыток найти на просторах СССР привилегированные республики. Чернобыльская трагедия — предмет особых исследований, но напомним коротко:

"А. Адамович: Теперь я хочу сказать, что преступление, которое началось в 1986 году, продолжалось и продолжается. Менялись его формы, но оно ничуть не становилось меньше. Я спрашиваю себя: почему молчали три года и не говорили о степени радиационной загрязненности Белоруссии, Украины, Брянщины? Почему на подтверждение этой лжи была задействована и местная наука, и московская, в особенности Институт биофизики Минздрава, возглавляемый вице-президентом Академии медицинских наук (!) СССР, академиком Ильиным? Лишь спустя три года после Чернобыля наконец сказали: треть Белоруссии заражена, пятая часть пахотных земель "убита". Вот цифры: РСФСР — 1000 квадратных километров "грязной" земли, УССР — 1500, БССР — 1000 квадратных километров. Врать продолжали даже тогда, когда стала всплывать информация, убеждали, например, что никто не умирает от радиации. Но когда вскрывали людей, умерших якобы от других болезней, например от ишемии, то оказывалось, что у них в легких — это зафиксировано белорусским профессором

Е. Петряевым — в огромном количестве так называемые горячие частицы. До 15 тысяч! 2000 таких частиц — гарантия рака.

А. Ярошинская: Да правды и не хотели знать! Вот документ: "В Киевской области, в Полесском и Иванковском районах вскрытия умерших и мертворожденных не проводятся в связи с отсутствием в районах патологоанатомической службы. Из 353 умерших в 1987 году не вскрыт ни один человек. Не проводится вскрытие также умерших в Славутиче. В Житомирской области создан межрайонный патологоанатомический центр, но вскрываются только умершие в лечебных учреждениях". Так откуда же было известно, умирали или не умирали от радиации?

...Вот "Перечень сведений по вопросам аварии на ЧАЭС, которые не подлежат опубликованию в открытой печати, в передачах по радио и телевидению", утвержденный правительственной комиссией за № 514 от

29.02.88 г. Председателем комиссии тогда был Б. Щербина. Читаю: "Засекретить сведения об уровнях радиационной загрязненности по отдельным населенным пунктам, превышающим допустимый уровень, и сведения о показателях ухудшения физической работоспособности, потери профессиональных навыков эксплуатационного персонала, работающего в особых условиях на ЧАЭС, или лиц, привлеченных к работам по ликвидации последствий аварии".

...Еще один документ — "Разъяснение центральной военно-врачебной комиссии МО СССР от 8.07.87 г. № 205": "При составлении свидетельств о болезни лиц, ранее привлекаемых к работам на ЧАЭС и не перенесшим ОЛБ (острую лучевую болезнь. — А. Я.), в пункте 10 не отражать факт привлечения к указанным работам и суммарную дозу облучения, не достигшую лучевой болезни".

(Продолжение следует)

ИНФОРМАЦИЯ

От собственного корреспондента

БЕСЕДА С ДЕЛЕГАТОМ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СЪЕЗДА РОССИЙСКОЙ КОМПАРТИИ (РКП) СТАЛИНИСТОМ ИВАНОВЫМ ГЕОРГИЕМ ИВАНОВИЧЕМ (22 апр. 1990 г.)

Спрашивает: В. Б. Пресковский. (Печатается с сокращениями)

Ст.Ив. Почему мы говорим, что рабочий класс должен стоять у власти? Да потому, что рабочего класса большинство, и только рабочий класс, ведь зачем нужна рабочему классу власть? Для того, чтобы хорошо организовать свой труд и правильно распределять создаваемые им материальные блага, вот и все.

Журн. А что делать врачам, педагогам, художникам? Их куда? Они должны стоять по стойке смирно?

Ст.Ив. Нет, извините, рабочий класс не может ни без врачей, ни без интеллигенции, рабочий класс не говорит, что не надо мне интеллигенции.

Журн. То есть он терпит интеллигенцию только потому, что она ему нужна?

Ст.Ив. Извините, интеллигенцию терпит любой класс, который находится у власти, интеллигенция всегда служит тому классу, который находится у власти, извините, это не беда, не вина, таков уж характер интеллигенции.

Журн. Вы можете коротко сформулировать, что такое сталинизм в Вашем понимании?

Ст.Ив. Сталинизм в моем понимании это продолжение того, что было начато рабочим классом и теорией Ленина, это мирное строительство социализма, закладки основ

социализма, и вот у Ленина есть такое выражение, я его сейчас дословно не помню: "Люди, поверхностно смотрящие не события, видят в революции и диктатуре пролетариата только разрушающую силу и не видят созидательную силу", хотя это самое главное — созидательная сила! Советская власть — это организационная диктатура, говорил Ленин, а не какая-то другая. Пролетариат только организационно диктует власть, а не иначе. Так вот сталинизм — это усиление созидательной части диктатуры, именно созидательной части диктатуры. Прошло время военных столкновений, гражданская война, и наступил самый тяжелый, самый трудный период.

Журн. Ну, а миллионы погибших?..

Ст.Ив. Да, они были, о тех репрессиях, жертвах, которые были, бесправии, о котором сейчас говорят наши противники, — это только десятая доля того, что было, жертв было гораздо больше, но кто совершал это? Совершенно ясно, что только дурак может рубить сук, на котором сидит, ЦК, руководимый Сталиным, сидел на доверии народа...

Журн. То есть Сталин об этом не знал?

Ст.Ив. Минутку, разговор не об этом: знал, не знал. Разговор идет о том, кто совершал эти злоупотребления. Так вот, троцкистско-бухаринская оппозиция и осу-

ществляла этот террор. Я хорошо знаком с историческими данными и документами Куйбышевской области этого периода, так вот там был расстрелян Постышев за избиение партийных кадров. Он действительно обвинил каждого пятого врагом народа, расстреливал, репрессии страшные были, и вот в январе 1938 г. состоялся пленум ВКП (б), на котором говорилось и даже район указывался, где каждый четвертый коммунист был объявлен врагом народа. Вот откуда эти жертвы, этот произвол.

Журн. Скажите, пожалуйста, Вы довольны итогами первого дня съезда?

Ст.Ив. Я не доволен результатом первого дня съезда.

Журн. Если можно, расскажите поконкретнее, чем Вы недовольны?

Ст.Ив. Росс. Ком. Партии создано не было. Создана просто секция КПСС.

Журн. А Вы, простите, о чем мечтали и чего хотели?

Ст.Ив. Я хотел, и не только я, я, между прочим, избран рабочими, вопреки желанию партийных работников. Я беспартийный. В своем выступлении я сказал, что о том, что созывается съезд, я узнал из сообщения "Голоса Америки", у нас это держалось в тайне. Поэтому, я считаю, на съезде мало рабочих из других городов страны. Я недоволен тем, что мечталось создать действительно Рабочую Партию, потому что даже то понятие, что в составе КПСС, — звучит одиозно.

Журн. Скажите, пожалуйста, людей, разделяющих Вашу точку зрения, т. е. желающих создать отдельную партию, было много на съезде?

Ст.Ив. Я руководитель Союза Общественной Защиты Интересов Трудящихся, это союз, который соединил многие неформальные организации у нас в городе, за исключением Народного Фронта.

Журн. Георг. Иван.! Вчера, перед началом работы первого дня съезда, у входа стояли многие люди, студенты лен.вузов, с плакатами: "РКП (ОФТ). Диктатуру пролетариата со свалки истории не вернешь!" и "Большевик! Не доводи до греха, помни Румынию!" Помните? Так вот, на них нападали делегаты, оскорбляли, чуть не избили, разорвали плакат. Почему очень многие делегаты были злы и откровенно агрессивны?

Ст.Ив. Это невыдержанность людей. Для меня эти плакаты не оскорбительны, но мне жалко этого человека, этого парня. Он искалечен, он судит большевиков, а сам что-нибудь сделал? Эти молодые люди оскорбляют память погибших.

Журн. Я бы хотел уточнить, почему многие делегаты столь агрессивны?

Ст.Ив. Это не агрессивность, но у всякого

общества есть терпение, да и хамить можно до определенного уровня, и если переходишь черту дозволенного, то, извини, — сам вызвал это.

Журн. Г. Ив., если уж так получилось, что сейчас не создана самостоятельная партия, о которой мечтали Вы и Ваши единомышленники, попытайтесь, пожалуйста, сделать небольшой прогноз на будущее?

Ст.Ив. Созданная сейчас РКП ничем не отличается от ВКП (б), т. е. КПСС, на XXVIII съезде ее влияние никак чувствоваться не будет, но на съезде будет очень много делегатов-рабочих, и они попытаются провести те решения, которые нужны рабочим, и я боюсь, что после 28 съезда КПСС не будет единой партией.

Журн. Т. е. будет создана еще одна, самостоятельная компартия?

Ст.Ив. Обязательно будет создаваться! Я с 1957 г. после 20 съезда КПСС пережил шесть персональных дел, я бывший член партии, и до 23 съезда меня не могли исключить из КПСС потому, что меня защищала партия, а после 23 съезда, когда решение судьбы члена партии передали в руки бюрократившегося меньшинства — бюро РК КПСС, меня вызвали на бюро после одной конференции, где я выступил с критикой в адрес руководства, потребовали отдать партбилет. Я говорю — я не дам. Меня скрутили, отобрали партбилет, ну, так, как отбирают ночью кошелек, шапку... Об этом эпизоде я рассказываю и в фильме, который про меня сняли, — "Сталинист Иванов".

Журн. О Вас создан фильм? А Вам он понравился?

Ст.Ив. Мне он не понравился только тем, что одни попытались из меня сделать героя, вторые "козла отпущения", а третьи — вешалку, на которую можно повесить все ярлыки. Вот, пожалуйста, "Московская правда" называет меня одураченным, "Сов. культура" — идолопоклонником. Другие газеты "заблуждающимся", "рабом, плачущим по плетке", "политически инфантильным".

Журн. А как бы Вы назвали себя сами?

Ст.Ив. Я простой рабочий.

Журн. Как Вы думаете, почему фильм сняли именно о Вас?

Ст.Ив. Я думаю, что здесь сыграли свою роль мои выступления на собраниях, мои лекции, я член "Общества по распространению знаний". Я строил свои лекции с позиции исследователя, а не с позиции прокурора и судей. Например, если взять события 30-х годов, можно найти объяснения, почему это совершалось, в чем была необходимость и неизбежность того... Сейчас, если посмотреть, не было необходимости вводить институт президентства, это совсем ни к чему и

многое другое.

Журн. Вы считаете, что президент нам не нужен?

Ст.Ив. Я считаю, что он этим скомпрометировал себя.

Журн. Г.Ив., Вы знакомы с апрельскими тезисами 1990 г. Н. А. Андреевой "О текущем моменте" к апрельской конференции всесоюзного общества "Единство, за ленинизм и коммунистические идеалы"?

Ст.Ив. Да, знаком. И вот почему. Я являюсь членом координационного совета "Единства" и поэтому хорошо знаком с Ниной Андреевой.

Журн. В третьем разделе "тезисов", в частности, говорится: "Именно для капитализации социализма стало необходимо президентство с ренегатом-коммунистом во главе". Вы разделяете эту точку зрения?

Ст.Ив. Это мягко сказано!

И вот смотрите, пришла Н. Андреева, так? И вот ни к кому, ни у кого автографы не брали, так? У нее — брали!

Журн. Я у Вас, если можно, возьму!

Дадите?

Ст.Ив. Пожалуйста! Пожалуйста! И у меня брали...

Журн. Спасибо за беседу, и на прощание представьтесь, пожалуйста.

Ст.Ив. Иванов Георгий Иванович, ну и, так как мне присвоили это высокое звание — Сталинист Иванов, я горжусь этим!

22 апреля 1990 г. (день рожд. В. И. Ленина), Ленинград, на ступеньках "Дома политпросвещения", 9 ч. 30 м. — 10 ч., перед началом заседания второго дня работы Учредительного съезда Российской коммунистической партии (РКП)

Сталинист ИВАНОВ

1. член "Общества по распространению знаний";

2. член координационного совета Всесоюзного общества "Единство, за ленинизм и коммунистические идеалы";

3. руководитель союза "Общественная защита интересов трудящихся";

4. бывш. член КПСС. Искл. после 23 съезда КПСС за критику руководства партии.

От редакции: мы печатаем это интервью, чтобы показать, какая каша существует еще в головах некоторых наших соотечественников. Мы очень надеемся, что их немного. Они безусловно самочинно претендуют говорить от имени рабочих.

709

ФОНД ПОМОЩИ ВЕРУЮЩИМ В РОССИИ

A.C.E.R., Aide croyants 91, rue Olivier-de-Sorros, FR. 75015 PARIS (основан в 1961 г.)

Приводим ниже текст одного из многочисленных писем, полученных нами за последний год из России:

"Простите меня за просьбу: хоть у нас наступила оттепель на религиозном фронте и гласность есть, но вот книг религиозных не достать, а без знания законов Божьих как можно укрепить дух?

Вроде бы и возрождается возврат Православной Руси... Но так медленно, медленно... А по старым религиозным ценностям и по храмам чугунным катком прокатилось все уничтожающее лихолетье. В кострах сожгли не только иконы и книги, выжгли веру... крепость духа, сломали стержень человеческой души.

Наши деды и отцы одни погребены в степях Сибири, другими вымостили дно Беломор-Балтийского канала; а мы, выжившие такой дорогой ценой, получили такое опустошение. И как бы хотелось почитать наших соотечественников-богословов, Иоанна Кронштадтского, старца Силуана, епископа

Игнатия Бренчанинова. На русском языке проповеди можно послушать в Канаде, США, в Германии, во Франции, даже в Японии... но только не у нас.

Вот такая у нас обстановка. И старость пришла, и голову негде склонить. Единственно хочется не запутаться в сетях нечестивого, да спасти детей и внуков. Мы уже о брэнном теле не думаем. Дай Господь спасти душу. Будем Вам очень признательны, если Вы нам пришлете что-нибудь душевспасительное. У нас кроме молитвослова да календаря ничего нет.

С молитвенным приветом и низким земным поклоном

Недостойная, грешная Екатерина"

Помогите нам продолжать и расширять нашу работу! За 29 лет мы переправили в Россию больше миллиона книг. Деньги можно посылать на почтовый счет РСХД:

ACER 15373594 PARIS или чеком на имя ACER-RUSSIE по адресу AIDE-CROYANTS 91 rue Olivier de Serres, 75015 Paris, France.

В Петрозаводске образован Центр по изучению духовной культуры русского зарубежья. Мы очень рады, что стало возможно такое начинание. Ниже мы публикуем цели Центра, взятые из брошюры Центра, а также его адрес. Мы, со своей стороны, просим русскую эмиграцию помочь Центру.

Редакция

НАШИ ЗАДАЧИ

— создать Музей русского зарубежья, который должен отразить историю нашей диаспоры;

— поставить перед общественностью вопрос о преобразовании нашего Центра в Институт по изучению русского зарубежья, — необходимость в таком институте становится все более очевидной;

— ходатайствовать о издании журнала "Русское зарубежье";

— создать и открыть для читательского пользования Библиотеку русского зарубежья;

— содействовать репринтному переизданию наиболее известных журналов русского зарубежья ("Путь", "Современные записки", "Числа", "Жар-птица" и др.);

— просить издательство "Наука" поручить подготовить нашему Центру несколько томов "Литературного наследства" по материалам русского зарубежья;

— принять участие в подготовке избранных сочинений и академических изданий писателей русского зарубежья;

— подготовить для высшей школы курс "Культура русского зарубежья" и издать учебное пособие по этой теме.

Наш адрес:

СССР 185005, Карелия г. Петрозаводск,
ул. Володарского, 1-58

ЛИННИК Юрий Владимирович,
руководитель Центра по изучению духовной культуры русского зарубежья

**ВЕРОНИКА АРЕНС-ПУЛАВСКАЯ
GLOBUS – A SLAVIC BOOKSTORE**

Предлагает книги, напечатанные эмигрантскими издательствами. Имеются новинки, старые редкие книги, журналы, газеты, открытки, платинки, кассеты, плакаты. Разыскиваем редкие книги по заказам. Выполняем заказы по почте. Адрес: 332 Balboa str., San-Francisco, CA 94118, USA. Телефон: (415) 668-4723. Магазин работает ежедневно, кроме воскресенья, с 10 до 6.

Главный редактор: В. Пирожкова * Verantwortlich für den Inhalt: V. Piroshkow
Адрес редакции: V. Piroshkow, Einsteinstr. 104/III, D – 8000 München 80, Deutschland
Банковский счет: Hypotheken- und Wechselbank, 8 München, Konto Nr. 2760094318

За статьи и письма, подписанные фамилией
или псевдонимом автора, редакция не отвечает
Перепечатка разрешается, но с указанием источника

